АЛЛА ГОЛОВИНА

НОЧНЫЕ ПТИЦЫ

Алла Головина

НОЧНЫЕ ПТИЦЫ

ISBN 3-7912-2032-2

1990

Printed in West Germany

Дорогой читатель!

В книге поэзии "Городской ангел" Аллы Головиной, изданной в 1988 году в Париже, выбор стихов был сделан критиком поэзии Ефимом Эткиндом.

Выбор стихов, опубликованных в этой книжке, сделан любителями поэзии. Надеемся, что читатель оценит этот выбор.

Желание автора было дойти до своих соотечественников на Родине и быть понятой.

Составители

ОСЕНЬЮ

Стелет хвоя повсюду жало,
Золотятся в лесу откосы,
Это солнце порастеряло
За июль и за август косы.
Кто-то маленький, быстроногий
Отпечатал смешные пятки,
Где сбежались на склоне дороги
Словно розовые закладки.
Укрываясь порой за пнями,
Наступая на сыроежки,
Прибежали к пушистой яме
Веерами следы - мережки.
И сегодня почти что жарко,
И пальто волочится даром
Под сквозною сосновой аркой,
Тонко пахнущей скипидаром.
Только вечером, белой тиной -
И как мертвые змеи долог -
Нерасчесанной паутиной
Разлетится туманный полог.
Одиноким прищурясь глазом,
И заброшенней, и короче
Месяц будет тупым алмазом
Резать стекла холодной ночи.
И за душное злое лето
Станет сразу заменой дикой
Неживая березка эта
И колючая ежевика.

Прага

* * *

Весна у нас на витрине,
Подстрижена и чиста –
Модное платье сине,
И красят оба моста.

И дымные фабрик сети
Поймали солнечный шар,
И хоть не смуглеют дети,
Но плавится тротуар.

А небо висит на рее –
Поломанное крыло...
Тепло, как в оранжерее,
Беспомощно и тепло.

Ползёт с потайных задворок
Смешная моя тоска,
Как стружки яблочных корок,
Над городом облака.

Поставив мольберт-треножник,
В толпу внеся табурет,
Их краски найдет художник,
И воспоёт поэт.

Но по домам чердачным,
С наброском с глазу на глаз,
Найдёт он, что неудачно,
В сотый, наверно, раз.

Будет мертветь в полёте
Каждый весенний тон,
К небу, в плавном полёте
Взвился вокруг бетон.

И если я снова плачу,
И больше надежды нет,
Значит опять на дачу
Пора покупать билет.

* * *

(2-ой вариант)

Жарче – печи и крепче – засов!
Мы сегодня во власти зимы,
Черепаховым гребнем лесов
Седину подкололи холмы.

Отшумели на крышах дожди,
Истрепали голодную плеть,
Ты не стой у окна и не жди,
Ты уже опоздала лететь.

За чертой неживой полосы
Уж давно треугольники стай,
Ты боялась осенней росы,
И в морозы – не улетай...

Ну куда же, куда же одной,
Наверху, не узнавши дорог,
Уходишь, разминувшись с весной,
Через наш позабытый порог?

1930

НОВОГОДНЕЕ ГАДАНЬЕ

В будущее узкая прореха,
Счастье наклонилось у плеча...
В скорлупе сусального ореха
Оплывает красная свеча.
Ёлка на столе теряет хвою,
Иглы о клеёнку шелестят.
Я сегодня сердце успокою
На старинный позабытый лад.
В тазике с прозрачною водою
По краям бумажный хоровод,
Имя наречённого судьбою
Маленькое пламя подожжет.
Беспощадны ёлочные ветки,
Что легли, как веер, у креста,
Но острее проволока клетки,
Где живёт бескрылая мечта...
Я сегодня сердце успокою,
Дам ему обещанный смычок,
Только бы дыханьем и рукою
Подтолкнуть задуманный клочок.
И когда, таинственно сгорая,
Станут буквы остро золотеть,
На дорогу ласкового рая
Распахнётся сломанная клеть...

2. 1. 1930

ОБОИ

Гляжу, прищурившись от лени,
Уже часы перед собой:
Идут лиловые олени
Тропинкою на водопой.

И бесконечными рядами,
Всё так же скучившись в толпу,
Несут ветвистыми рогами
Опять такую же тропу.

И, видно, много раз считая
Хвосты, копыта и рога,
Каких-то птиц стремится стая
Слететь на эти берега.

И этот мир для сердца нужен -
Лететь со стаей в унисон,
Когда всё ласковей и туже
Подушки обнимает сон.

И хоть на плечи и колени
Мохнатый падает уют -
Навстречу движутся олени,
Глядят на воду и не пьют.

И так близки, близки обои,
Где на стене дрожит давно
Разорванное, неживое
Закатное веретено.

Пускай прорезанное в стену
Окно сереет пустотой –
Я крылья белые надену
За расцветающей чертой.

14. 1. 1930

ГОЛУБИ

Плывут, цепляясь слегка
За собственные изгибы,
Серебряные облака –
Серебряные, как рыбы.
И на чешуе-пуху
Холодные тени реже –
Апрель царит наверху,
Но в улицах будни – те же.
Глядясь в золотую рань,
Что красит бока трамваю,
Желтеющую герань
Беспомощно поливаю...
Ломая порыв тоски,
Отпущенный в зимней мерке,
Кормлю голубей с руки
В окне, из-за жардиньерки.
И клювы стучат, стучат
По серой холодной жести...
Но пьяный весенний чад
Мы с ними открыли вместе.
На белом крыле чудес
Мой день с голубиным равен,
Бросаясь окно небес
От этих немытых ставен.
Как будто сухой камыш,
Над будничною поклажей
Ломало виденье крыш,
Рисованное на саже.
И не становлюсь слабей
От радостного полёта –
Сегодня всех голубей
Со мной ожидает кто-то.

О том, что давно влекло,
Расскажет Ему скорее,
Ударившись о стекло,
У райской оранжереи.
Последняя тает грань,
Когда зазвенят осколки.
Смешная моя герань
Стоит на небесной полке.
Горят её лепестки,
Исчерченные грехами...
И кто-то меня с руки
Накормит опять стихами...

2. 5. 1930

ВЕСНА ЗИМОЙ

Из-под снега тропу расчистя,
Я читаю своё заклятье...
Напечатаны тесно листья
На коротком весеннем платье.
Только ветер звенит на крыше,
Только мало в лесу загадок,
Прошлогодней травою вышит
Лабиринт невысоких грядок.
И я песнею рву затоны,
Уходя от немой калитки,
Словно папоротника бутоны,
Воскресают везде улитки.
Только песнею, не печалью,
На земле рассыпало вести,
И разорванною вуалью
Комары летают на месте.
И когда уже вместо снега
Разливаются синью травы,
На мосту дребезжит телега,
И стоят на воде купавы.
О, весенних цветов заклятье,
Позабытые снег и муки!
Расцветают цветы на платье,
И уже загорают руки.
Только песней моей ведома,
Застывая и плача сзади,
Ты, весна, засмеёшься дома
И покорно уйдёшь в тетради...

8. 5. 1930

В ДОЖДЬ ЗА ГОРОДОМ

Весенний дождь, ты о мечте поёшь
У речки стала розовее глина,
На тополях серебряная дрожь,
В орешнике увяла паутина.
Мы уезжаем и лучей не ждём
И в поезде увидим через окна,
Как гладь пруда исколота дождём,
Как на поля спускаются волокна.
А каблуки высокие в песке,
И локоны повисли виновато,
Но на мосту – на маленькой доске,
Все улыбнулись перед аппаратом...
Мы не видали ни шмелей, ни птиц –
Дождливый день, холодный, невеселый,
Дробился в отраженьи острый шпиц
Стоящего вблизи костёла.
Мы маков поискали у межи
И бледных незабудок по болоту.
Весёлый дождь, ты крылья развяжи
И помоги смешному перелёту...
На каждой ветке радужная нить,
А на душе беспомощно и больно –
Мы городское счастье пропустить
Боимся и торопимся невольно...
Но если там мы тоже не найдём
Того, что здесь беспомощно искали,
Опять за этим полем и дождём
Я возвращусь без грима и вуали...

28. 5. 1930

ЛЕБЕДИНАЯ КАРУСЕЛЬ

Ветер, понапрасну холодей! –
Кружатся, о снеге забывая,
Тридцать деревянных лебедей
За последней станцией трамвая.
Через снег и голубой туннель,
Над мишенями тряпичных кукол
Лебединым летом карусель
Проплывает вылинявший купол.
Ангелы беспомощно трубят
Над дверями белого органа,
Чтоб вернулись лебеди назад,
Чтобы побоялись урагана...
Дети тянут белую узду,
Ударяют перья стременами,
Доставая лучшую звезду
Изо всех, лежащих перед нами.
Но железный падает удар,
Обороты медленней и реже.
И пятнадцать лебединых пар
Снова опускаются на стержни...
Пусть над полем звёзды без числа, –
Ведь рука на лебединой шее
Навсегда сегодня унесла
Ту, что показалась золотее...

1930

В АПРЕЛЕ

По колее плывя с весною,
Душа, теперь не унывай –
Картинкою переводною
Навстречу движется трамвай.

Такой беспечный краснобокий –
Из детской комнаты игра –
Под колесом бегут потоки
Раздвоенного серебра.

И столько набухает веток,
Почуяв розовый уют,
Что звери с меховых горжеток
Опять по-старому живут.

И хоть впиваются укусы
Застежкой в пышные хвосты, –
Глядят сверкающие бусы
На подворотни и кусты.

А каблуки, ступая в лужи,
От золотистого тепла
Готовы расцвести не хуже
Ааронова жезла...

2. 1. 1930

ГОРОДСКАЯ ВЕСНА

Её прислали образцом ковров
Для скверов и для нового бульвара
И облако над выставкой домов
Легло как штемпель лучшего товара.

Пусть пошлины бывают тяжелы –
Сейчас надежды в небывалой моде,
И вот вокруг – легки и веселы –
Все говорят о счастье и погоде.

Ведь за травою новые сорта
Иных чудес, но той же самой фирмы.
Уже сирень изящно завита
И рекламирует модель для ширмы.

И молодость почти не чует ног,
Платя вокруг немыслимые дани,
Когда листает солнце каталог,
Где лучшие сорта свиданий.

И как не верить в новую игру –
В рифмованные небылицы,
Когда кашне трепещет на ветру
В том месте, где крыло у птицы.

1930

* * *

Февраль, с тобою на пари,
Что нынче светлое случится. -
Душа устроилась внутри,
Как возвратившаяся птица.

Крыло - трепещущий узор
Искуснейшего стеклодува, -
Пусть недостаточно остёр
Изгиб серебряного клюва...

Спокойно макинтош надень,
Встречай в упор чужие лица,
Ведь ожила в февральский день
Твоя беспомощная птица.

И полуснег, и полудождь
На плечи падает всё гуще,
Играет на витринах дрожь,
А мокрый тротуар - веснущат.

И вот уж под ногами сплошь
Асфальт распахнут, словно двери,
И вижу я не макинтош,
А кучку розоватых перьев...

1930

БАБЬЕ ЛЕТО

Весёлой лени голоса призывней,
И нет печали, нет давно тоски,
Ленивым летом, в полдень, после ливней
В зените нитей никнут пауки...
Из сердца тянут солнечные клещи
Последних слёз – невыплаканный след,
Как выцветают бабьим летом вещи,
Но в складках платья неподвижен цвет.
А на стене за стёклами отсветы
И северный незрелый виноград,
Над сеткой лёгкие ракеты
Откидывают мяч назад...
Жужжит истомы тайная тревога,
Но это просто и не в первый раз,
Что глаз зовущих слишком, слишком
много,
Отяжелелых и незорких глаз.
Пусть дрожью обволакивает вечер,
И липко лягут нити на плечо,
Так сладко дрогнут в ожиданьи плечи,
Почуяв свой рассчитанный скачок...
Завяли шкурки лопнувших каштанов,
Но легким лаком тронуты плоды,
И грусть приходит по стопам туманов
Над серым сном густеющей воды...

1931

4 АПРЕЛЯ
(Юбилейная поэма 1922–1932)

Весёлый апрель – это чудный момент,
Повсюду пасхальная чистка...
Конечно, герой наш – брянский студент,
Конечно, она – гимназистка...
Она называла Тшебову тюрьмой,
Любила кровавые драмы.
Студент прикатил отъедаться домой
Под крылышко любящей мамы.
Ему нипочём небосвод голубой,
Что воды бурлящие смелы...
Она же в апреле являла собой
Тип Лизы, Татьяны и Бэллы.
Они по болезни учились года,
Которые были излишни,
За них хлопотали родные всегда,
Когда распускалися вишни.
Он свыкся в Брно со своим уголком,
Она же – с бараком и классом,
Его называли всегда индюком,
Её – иногда папуасом.

Уже зеленела повсюду трава,
На ферме гнусавили птицы.
При встрече студент улыбался едва,
Она опускала ресницы...
Законов порою обычай злей –
Их смертью судьба не венчала,
И чинно справляют они юбилей,
Десятый уже от начала.

* * *

Ось земную пальцами пропеллер
Тронул, звонко разорвав зенит.
И музейно выпуклые земли
Стали, как созвездье Атлантид.
Африка ли, Азия под нами –
Перебойный, перелётный пляс,
Над морями и над городами
Сталь пернатой мощью напряглась.
На этаж в порыве вырастая,
Гогоча, как гуси в сентябре,
Чьи столицы крыши напрягают,
Прядая с насеста на горе.
Трубы изгибают лебедями,
Словно стая села отдохнуть...
Мы не ждём – колышется под нами
Пройденный неповторимый путь.
И как будто не с аэродрома,
Со звезды мы или из гнезда –
Потому что лестницею дома
Мы к земле не выйдем никогда.
Голубые глобусы клубятся,
Как один похожие на наш...
– И тебе ли, голосу бояться
Лёгкости от сброшенных поклаж?..

1932

ГОЛУБИНЫЕ ГОРОДА

В полдень небо, золотом растая, –
Словно злое облако песка.
С крыш летит сверкающая стая –
Наша голубиная тоска.

И в Москве, Венеции и Берне,
На старинных душных площадях
Плещет всё белей и равномерней
К вечеру беспомощность и страх.

И туристу в розовую руку,
Осеняя крыльями кодак,
Посылает неземную муку
Каждый шест, и крыша, и чердак.

Чтоб в гостиной в небывалом стиле,
В голубом альбоме на столе,
Он среди вибрирующих крыльев
Улыбался брошенной земле.

Чтобы из пылающего сквера
Он всегда был отлететь готов
По стопам тучнеющего мэра
В царство голубиных городов.

На открытке солнечная марка
Снова подтверждает без конца
Эти взлёты от Святого Марка
К ступеням небесного дворца.

Жардиньерок тонкою решёткой
Скованы разливы площадей...
Мы летим за райскою трещёткой,
Как ручная стая голубей.

И вдыхая вековые тайны,
Мы мечтаем в складках покрывал,
Чтобы новый Рафаэль случайно
Нас в гостях у Бога увидал.

1932

* * *

Как смятенно жизнь глядит навстречу,
Потому что детство за тобой
Поднимает узенькие плечи,
Поправляет бантик голубой.
Потому что в пёстрые обложки
Детских книг укладывая ложь,
Наше счастье со столовой ложки
Ты, зажмурясь, торопливо пьёшь.
И припомнив, как страницы пели:
- Ночью все игрушки оживут, -
Улетаешь снова из постели
По ночам на несколько минут. -
Чтоб, стучась в потухшие витрины -
В ледяной непроходимый лес, -
На бумаге глянцевитой стынуть
Посреди покинутых чудес.
И стыдясь, что у тебя короче
Волосы, чем думал Андерсен, -
На листках смешной и взрослый почерк
Ты стряхнёшь испуганно с колен.

1932

ВИФЛЕЕМ

Каждый год в музее городском,
Каждый год в одно и то же время,
Вспыхивает свет под потолком
За стеклом в картонном Вифлееме.

Только серебристый часовщик,
Что вытачивал дома и стадо,
Видит улыбающийся лик
В глубине за снежною оградой.

В залах проверяют сторожа
Все замки и засыпают поздно.
– И тогда, беспомощно дрожа,
Вспыхнут бертолетовые звёзды.

По аллеям, мимо тростника,
Охрою покрытые верблюды
Снова через годы и века
Семенят за путеводным чудом.

В городе угасли фонари,
На деревьях стаяли огарки.
И во сне доверчиво цари
Выбирают лучшие подарки.

И не зная, как доступна цель
В этом доме, в этом переулке,
Через настоящую метель
Повторяют старые прогулки.

И пускай на целые века
По дороге снова заблудились,
Потому что нет часовщика,
И часы в домах остановились.

Все стихи свои перелистав,
В облачных горбах с земною кладью,
Свой небесный драгоценный сплав
Прикрывают бережно тетрадью.

1932

РАССТАВАНИЕ

Распускают вокзалы вязальные петли
И по рельсам расходятся, брызнув,
дымки;
Ты проходишь по залу в звенящем
рассвете
И в закинутых жерлах считаешь клубки.

Это птицы слетелись на зов отовсюду
По железным межам с потревоженных
скал,
Но в привычном чаду окрыляется чудо
И живёт, как платок, что в дверях
заплескал.

Лёгкий купол клубится и никнет слюдою,
И прощанье закинуто к небу пращой
Заалели ладони, летя чередою
Перед солнцем, как перед огромной свечой.

Ты проходишь по залу и на циферблате
Отраженье твоё рубежи перешло,
И платки, запрокинувшись, стали
крылатей
И летят журавлями сквозь сталь и
стекло.

И с подножки неопытной стаи метанье
Ты увидишь, прикинув на вечность
маршрут,
И узнаешь, что крайняя птица отстанет
И назад упадёт через створки минут...

...Лишь к тебе приобщённая в зове
вокзала,
Ворох розовых перьев сметя со скамьи,
Небывалая нежность бессмертья бежала,
Чтоб на сером перроне заплакать с
людьми...

1933

ПРОБУЖДЕНИЕ

Поток лучей весёлых и густых,
Как будто наводимых зеркалами...
И голос твой проснулся и притих
И нежится под белыми листами.
Ленясь ещё, оттягивает явь,
Потом встаёт, закидывая горло,
И вот в лучи – бегом, полётом, вплавь,
А ты ладонь беспомощно простёрла...
Как тонущий, беспомощен один,
Как погорелец под окном бездомен,
Плывёт вдали от комнатных кабин,
Держа лучи, как вороха соломин...
И задыхаясь, выловить спеша,
Царапая и вывихнув запястья,
Ты видишь, бьётся белая душа,
Что шла ко дну на полпути от счастья...
Как на носилках снова на листах
Вздыхает голос жаркими мехами,
На полотне гардин, как на плотах,
Он прозревает новыми стихами.
И на жестокий изумлённый взгляд,
Где будет "где?" и "ты мне незнакома!"
Ему подашь всё тот же тёплый яд
И, опустив глаза, ответишь: дома...

1934

* * *

Крепчайшие, тончайшие силки
Из завитых и золотых волос.
Ты знаешь: на открытках голубки
Томятся в чаще акварельных роз.
И вот они блуждают, осмелев,
У плеч твоих на маленьком столе.
Клюют с бумаги ангельский посев
Поэмы о приснившемся крыле.
Воркуют и целуются опять
С раскрашенной открытки голубки.
Не плачь: опустошённая тетрадь
Их завела в крепчайшие силки...
Пронзённых душ немало на земле,
Но вот любовь воркует со стола –
Забудь о человеческом крыле,
Любовь людей не ведает крыла...

1934

ГРАД

Единственных и нужных слов
Весёлый град летел в ладони,
И я смеялась на балконе,
Неся домой такой улов...
Но за стеклом половики
Дышали мёртвой синевою,
Цвели лазоревой травою
Грозе и грому вопреки.
Цвели букеты на стене
И слабо тлела позолота...
Сюда ли принести извне
Сквозняк свежей водоворота?
И ветер пел: любви не тронь,
Осколки небывалых градин
С балконных белых перекладин
Стряхни горячая ладонь!
Они в запутанной траве,
Не тронув чуждого покоя,
Поломанным цветам левкоя
Споют о райской синеве...
Чтоб, отдышавшись, майский сад,
Смешавший вместе град и гравий,
Опять смолчал про этот град
Перед закрытыми дверями.

1934

ЛЮБОВЬ

Это солнечное копьё,
Ударяя огнём с высот,
Надломило сердце моё,
Осторожно, как свежий сот.

Защищаться от счастья – лень.
Ты мои стихи перечёл,
И они открывают день
Под окном суматохой пчёл.

И в густую траву упав,
Я, прищурясь, гляжу и жду,
Что мой розовый рой в рукав
Возвратится, поняв беду.

Под прохладную кисею,
Где в руке запевает кровь,
Где я злые цветы таю
Для небесных моих роев...

Но противиться счастью – лень.
Счастье летнее без границ...
Вот стихи мои льются в тень,
Выбирают новых цариц.

И забывши в июльский зной
Разлинованный свой уют,
Тёмный улей любви земной
Населяют и узнают...

1934

* * *

Со всею нежностью припоминать тебя,
Опять вплотную подходя к апрелю,
Кудрявую влюблённость теребя,
Ночною непокорною куделью.
И ближе к свету счастье подносить,
И ждать, когда последний в доме ляжет...
Она скользит, запутанная нить
Из песенной, из вылинявшей пряжи.
Поют в руках резные челноки,
Поют стихи над мёртвыми листами, –
Им не белеть наутро у реки
Тяжёлыми и влажными холстами.
В последний раз, послушная строкам,
Любовь жужжит и бьётся, как живая,
Чтоб умереть по тёмным сундукам
Невиданным приданым истлевая...

1934

* * *

Это будет первое восстанье
Первый шорох в голубой золе,
В час, когда твоё дыханье станет
Легче всех дыханий на земле.
Отдыхая от земных пожарищ,
Разве кто сегодня может знать,
Что ты снова крыльями ударишь
В чёрную истлевшую тетрадь,
Высекая искры. Как от страха,
Как от жара волосы легки.
Два крыла, две рифмы, две руки
Первенство отстаивали взмаха.
И для них, наладивши черёд,
Всплески сил, раскинувши попарно,
Ты опять одна в ночи пожарной,
Но теперь возможен твой полёт.
Поверху, над самым чёрным дымом,
Привыкая к счастью, не спеша,
Мимо стана погорельцев, – мимо –
Намечает путь душа.

1934

* * *

Разобран лесок тропинками.
По рёбрышкам и бренча,
С заминками и с запинками
Подходит вода ручья.
Как будто уже погонями
Застигнута – ты бежишь,
Зачерпываешь ладонями,
Хоронишься за камыш.
И смотришь, и снова кажется,
Что там, в глубине руки,
Шальное крыло развяжется
И вылетят светляки.
Сейчас из-под кожи выступит
Живая голубизна,
И выпорхнет кровь на выступы
Из неживого сна.
Горя легчайшими мушками
От счастья и от стиха
Схоронится за подушками
Гагачьей опушки мха.
Чтоб вечером не заметили
Настоящие светляки,
Кто чертит синие петли
Огнём у твоей руки.

1934, "Скит" (Прага)

В БОТАНИЧЕСКОМ САДУ

Сквозь стёкла осеннее солнце греет,
Под куполом из стекла.
Виктория-Регия в оранжерее
Бережно расцвела.
Плотами ложатся на глади листья,
И плотно, как на века,
К воде прилегла снеговая пристань
Расщепленного цветка.
Сквозь тропики стынущего сада,
Читая дощечки мельком,
Торопишься ты и становишься рядом
С Дюймовочкиным цветком.
Пускай на столетниках ждут бутоны,
А на бессмертниках – тлен,
Тебе не удастся проплыть затоны
И ботанический плен.
Пускай твоё сердце почти не дышит,
Рука прилегла к стеблю,
Зовут горожан голубые афиши
Опять к твоему кораблю.
Лишь ночью остынут повсюду стёкла,
И, не дождавшись чудес,
Уходит толпа через пыльный и блёклый
Перегороженный лес.
И ветки вздохнут облетевшей мимозы,
И дружно ударят в окно
Откуда-то сверху китайские розы
С альпийскими заодно.
И руки, как вёсла, и вёсла, как крылья,
Под листьями нету дна,
Из белой магнолии плещет мантилья
И ты отплываешь одна.

Виктория-Регия - белый остров
От берега за версту.
Но всё исполняется точно и просто,
Когда чудеса в цвету.
Лишь сторож в углу, заметая билеты,
Как синие лепестки,
Увидит в саду небывалое лето
И две разведённых руки.
И, отправляясь к воротам в сторожку,
Отметит, что расцвели
Сегодня на клумбах и на дорожках
Все чудеса земли.

1934-1935

(2-ой вариант конца)

Лишь сторож в углу, заметая билеты,
Как синие лепестки,
Увидит в саду небывалое лето
И две разведённых руки.
Исчезла ограда, исчезла сторожка,
И он замечает, дрожа,
Что в лунном раю, на прозрачных
дорожках
Иные стоят сторожа.

ВОЛЬНЫЙ ЦЕХ

Вольный цех – незнакомые деды,
Иностранцы – отцы через мир
Завещают труды и победы.
Страдивариус выгнутых лир
Вышел новый из вольного цеха,
Чтобы свет за окном не погас.
Крепко ль держится ржавая веха,
Голубой и крылатый Пегас?
Трубочист, проходящий в цилиндре,
Слесарь, браво надевший берет,
Узнают тебя в солнечном нимбе,
Будь здоров, работяга–сосед!
Ночью в кузнице вздохами меха
Раздувается жар добела,
У тебя же крылатая веха
Отрывает от стенки крыла.
Запирая ворота ключами
В сто бородок, бросая засов,
Ты летаешь привычно ночами,
Ты работаешь восемь часов.
Чтоб на цеховом празднике в мае
В море символов от древка
Поднималась любовь, раздвигая
Позументы и облака.
И, встречаясь с толпой подмастерий,
Узнавая свой радостный цех,
На пикник через синие двери
У заставы ты выпустил всех...

1934–1935

РОЖДЕСТВО

Под крышей стынущего дома
Сама почти что не жива,
Забвенья лёгкою соломой
Ты перекладывай слова.
Твои созревшие полёты
И прозвучавшие слога,
Как лучших фруктов позолоту,
Хранят до срока погреба.
Зима страницы залистает,
Зима забудет звонкий клад,
Когда на аклах зацветает
Тропический бесплодный сад.
Но вот в столовую метели
По очереди, по одной,
Под тающею пеленой
Пропустят срубленные ели.
На крест подножьем опираясь,
Они глядят, как из бумаг.
Выходит лёгкий ватный заяц
И чей-то небывалый флаг.
И яблоки, вдыхая хвою,
Увидят снова между хвой,
Как встанешь ты почти живою,
Как воскресает голос твой.
Твой голос радостный и зримый –
Крылатый обережённый стих
Взлетает выше херувимов
На нитках бледно-золотых.

1934-1935

ПРИГОРШНЯ ЗА ГРОШ

На лотках, на народном гуляньи,
Из-под кучи расшитых платков,
Розоватое зарево глянет
Целый ворох стеклянных стручков.
На картоне, как будто – медали,
Эти пуговки с грядкою дыр,
Их разыщет из сказочной дали
Прискакавший на смертный турнир.
Будет долго искать по палаткам,
Перероет тряпьё и найдёт
На железе, натянутом гладко –
На груди этот ворох пришьёт.
Леденцами они загорятся,
И ребёнок, напавший на след,
Отстранит и шары и паяца
И отвяжет литой эполет.
Витязь, витязь, не торопитесь,
Там на площади, на краю,
Вам покажут, как дама и витязь
Обвенчались в рогожном раю.
И как пригоршни этих кружочков –
Этих пуговиц с ангельских лат,
Продевает красавица в мочки
И считает свой розовый клад.
Все сокровища этого мира
Мы на сердце своём унесём,
Приходите скорее с турнира
За моим деревянным конём.

1934–1935

РОЖДЕСТВО

Пахнет детство орехом в меду,
Пахнет детство эмалевой краской,
Рождество раскатилось на льду
И к дверям привязало салазки.
А сочельник в закрытых дверях
Тщетно скважину хочет расширить,
Там в гостиной серебряный прах
На почти изумрудной порфире.
Там в гостиной твой маленький брат
Станет рыцарем без посвященья,
Ты одна принимаешь парад,
Задыхаясь от восхищенья.
Но потом, заслонясь от огня,
Что играет на золоте брони,
Ты небрежно погладишь коня
И хлопушкой покормишь с ладони.
Ведь уже подсказали огни,
Что на завтра, на после обеда,
Хорошо бы сюда пригласить
Синеглазого сына соседа...

1934–1935

* * *

Солнце, солнце – вопрос ребром,
Я встаю, оттолкнув тревогу...
Туфли, шитые серебром,
Голубые, на босу ногу.
И весёлый этот халат,
Самый мягкий, самый весёлый,
Где гирлянды цветов скользят
В отворотах и по подолу.
Солнце, солнце – вопрос ребром...
Значит снова и что есть силы...
Словно лира высокий дом,
И, как струны, поют перила.
Словно лира – окно во двор,
Словно струны – плетенье рамы,
И, как пенье, летит разговор
Снизу белыми голубями.
Значит снова на половик
Из дверной сияющей щели,
Проскользнёт, расцветая вмиг,
То письмо, что я жду недели.
Солнце, солнце, значит опять,
Значит снова и что есть силы
Нужно верить и отстранять
Подоконники и перила...

1934–1935

* * *

В серебре, в серебре, в серебре
И ресницы, и кудри, и плечи.
В сквере, как на монетном дворе,
Снег чеканит счастливые встречи.
Мы сегодня один на один,
Темнота голубая за нами,
И в пещере своей Алладин
Подымает дрожащее пламя.
Этот блеск, этот сказочный хруст,
Этот звон у тебя под ногами!..
У дороги подстриженный куст
Захлебнулся во сне жемчугами.
Это – сквер, это – мёртвый восток
И богатства слепящие жерла,
И втекает уже холодок
В онемевшее слабое горло.
В тайниках голубого дупла,
В кубках гнёзд, на колонне киоска –
Серебро, серебро купола
И пожарище лунного лоска.
Это сквер... Возвратимся ж домой.
Электрическими фонарями,
Это – ночь городская с сумой
Пробивает пещеру за нами.
И взрывает её без шнура
И выводит через обломки
Нас, таких же, как были вчера,
Потерявших у входа котомки...

1934–1935

* * *

Мир забился в окно – открой! –
На ладони замёрзший голубь,
Тот, что раньше слетал порой
На зелёный звенящий жёлоб.
Тот, что так умел ворковать,
Точно видел в цвету маслину,
Эту комнату и кровать,
Заставляя опять покинуть.
Зазывавший в зелёный сквер,
Где тюльпаны цвели воочью,
Это сердце из-за портьер,
Выпускавший апрельской ночью,
Заставлявший найти скамью,
Ждать и плакать, искать перила...
На трамвайную колею,
На запястье – тугие жилы...
В клетке тихо, полутемно,
В жардиньерке – махровый ворох,
А сверкающее окно,
Как пейзаж в золочёных шторах...

1934–1935

* * *

За струнами бряцавших лир
Кружилась жизнь в шальной погоне,
Но окончательный свой мир,
Ты помещала на ладони.
Мерцаньем невесомых доз
Вверяла радости бумаге,
А город цвёл корзиной роз
И пыльным символом на флаге.
Пусть, облачно дыша вверху,
Вздымалось небо синим тентом,
Ты крылья клеила стиху
И обшивала позументом.
Строка к строке,
К вершку вершок,
Лазурь - тетрадная обложка,
И до ближайшего окошка,
Летит бумажный петушок...
И свой тупой измятый клюв
Разбив, но все-таки прощая,
Он вспять печально обращает,
Крыло повесив и согнув...

1934-1935

* * *

Бродила комнатой, и как подъемный мост
Окно рванули высохшие ветки,
Там звёзды скачут, распушая хвост,
Как белки в надоевшей клетке.
Там можно ветра придержать струю,
Как за кормой упругое теченье,
Там ангельское столоверченье
Избрало нынче плоть мою.
Накинь скорей на плечи простыню,
А прядь волос трепещет у ключицы,
Там, испугавшись, к млечному огню
Слетелись ангелы, как птицы.
Ведь ты живая? И вздыхает жесть
Небесная от тяжести ладоней.
Да, я люблю, и даже сердце есть
В моей груди, и кто-то сердце тронет,
Повертит словно розоватый плод
И вложит в черное плетенье крови,
Но кто-то бросит и крылами словит
И словом ангельским смятенно назовёт.
И самый мудрый, пожалев меня
Иль любопытствуя, шепнёт: послушай,
Стань духом, как другие, и маня,
Заплещут где-то человечьи души.
Но, оградясь горячею рукой,
Дрожащим телом падаю, теряя
На облаках, в предместьи рая,
Рассаду слов, подсунутых тоской.

1935

* * *

Что бы ни случилось в жизни этой,
Сколько б лет с разлуки ни прошло,
Ты припомнишь ту весну и лето –
Нашей встречи ветер и тепло.
Кажется, чему б ещё случаться,
Раз друг друга видели во сне,
Но нам было велено встречаться,
И ещё – встречаться по весне.
Нам была дана сирень повсюду,
Что дышала сизой теплотой,
Все довески к радостному чуду,
Всё до дна и весь хмельной настой.
Летом клевер, о, какой махровый,
Сонный лес, вздыхающая степь,
В мае – слово, летом – с полуслова,
В мае – струны, а в июне – цепь.
И она на этом расстояньи
Всё звенит, соединяя нас,
Возвращайся – клевер не увянет,
Но сегодня – предпоследний час.

1935 (?)

* * *

На заре, по краям площадей,
Чуть заметно круженье камней.
Посреди у фонтана не стань –
Там совсем небывалая грань.
Руки сами взлетают и ждут,
Скамьи кружатся и поют.
Небо розово сквозь синеву,
И вздыхают стихи наяву,
Что мешают им сны, и слова,
И скамейки, и синева.
Если ты не боишься узнать,
Умереть, полюбить и не встать,
Жди ещё, задыхаясь, без сил,
Чтобы ангела Бог отпустил.
И с моста в лишаях и без рук
Ангел вылетит с грохотом вдруг,
Скинет камень и руки найдёт
И с тобою охотно умрёт,
Иль любовную примет тоску,
Иль крылом переправит строку.

1935 (?)

* * *

Спокоен сон мой и глубок,
Душа сейчас меня превыше –
Летит мой облик на восток
От ложа, потолка и крыши –
Чтоб шпили храмов, как порог,
И словно чёрный коврик тучи:
Восток, восток, восток, восток –
Восток не тот, не жёлтый, жгучий,
А кажется, совсем другой –
Страна такая на востоке,
Где – тропки с розовой дугой,
Где вечные снега глубоки,
В колоколах вздыхает медь,
И тишина в дворцовых залах,
Где бродит улицей медведь
И женщины в платочках алых,
Где я не пела у берёз
И в хороводе не плясала,
Где не лила кровавых слёз
И с молоком их не всосала.
Но где поймут ее тоску –
Моей души стихи и муки,
Где ангел к жаркому виску
Прохладные приложит руки.
Но нет страны такой нигде.
Пускай из складок одеяла
Рука при меркнущей звезде
Дорогу с памятью сверяла.

1935 (?)

НОЧНЫЕ ПТИЦЫ

Этот вечер огненно-жёлтый
Видит снова, в который раз,
Как смятённые птичьи толпы
Сетью выхватил Монпарнас.
И у белой холодной стойки,
Чинно вниз опустив крыла,
Из густейшей крови настойку,
Ты доверчиво отпила.
Вспоминая камыш и гнёзда,
Подражая в последний раз,
Ты крылом утираешь звёзды
С неослепших орлиных глаз.
И ты видишь, ты видишь, видишь,
Как нагретые зеркала
Тушат счастье твоё, подкидыш,
И ломают твои крыла.
Пусть наутро сметут со стойки
Песни наши среди золы,
И болтая покинут сойки
Тесно сдвинутые столы...
Вот слоятся стеклянные двери,
Разбредаясь по одному,
Мы бросаем горстями перья
Вырастающему холму.
Чтоб сегодня приблизить чудо
Смерти той, что который год
На заре подымает блюдо,
Зёрна сыплет, не зовёт...

1935

* * *

Табак в цвету – тяжёлый зов поэм
И сахарный тростник четверостиший...
И мы встаём, ещё темно совсем,
Плывут туманом сорванные крыши...
Хлопковые плантации стихов...
Мы – всё ещё бродяги-новосёлы,
Межи протоптаны, но в чашечках тяжёлых
Клубочки белых непросохших слов.
Полоть и петь, и утирая пот –
Стоять в стеблях иль, задыхаясь сладко,
Глядеть на тёмно-красный рот
Цветка на распушённой грядке...
Ведь рассветает рядом, у плеча,
И тростника, соединяя звенья,
Несём слова, теряя, волоча
На первый ветер вдохновенья...
Здесь Бичер-Стоу вздохнуть и пожалеть,
Пожалуй, никогда бы не посмела.
Легка жара, легка над телом плеть,
Летит над полем раненное тело.
Обложки разделяют вороха,
Товар везут по городам в излишке.
Но нет ещё для сердца передышки,
И зреет поле нового стиха...

1935

* * *

Шальная жизнь не выдаётся дважды,
В саду шумит неповторимый дождь,
Не утоляя, не смиряя жажды,
Свой пресный мир ты пригоршнями пьёшь...
И видишь, как захлёбываясь влагой,
Вокруг себя озёра замутив,
Корнями оступаются в овраги,
В хлыстах побегов, туловища ив.
- Обрубленные буйно прорастают,
Смотри, смотри, как сизая листва
Летит из-под коры, ка́к стая,
И - отражением трава
Встаёт из-под воды навстречу.
Вплотную- иглы свёрнутых недель.
Теперь бы солнце!.. Но уже за плечи
Тебя схватила комнатная мель.
И подняла, спасла и обсушила:
(Ты шла по лестнице, чтоб двери
распахнуть,
В саду - потоп, и ты теряла силы...)
Глоток вина, одеколоном - грудь...

1935

Л. Червинской

Слабеют руки, отмирая...
Бездельники, зачем нам две руки –
Мы даже не плетём венки, –
Крылом стучимся в двери рая.
Вот эти пальцы: два и много, три,
Приставить к перьям, или, просто, этим
Пером блестящим из крыла, смотри,
Мазок оставить на портрете.
И, может быть, поверят больше нам,
Прося автограф, только чуя славу –
Поверят счастью, и мечтам, и снам,
И клетки отведут по праву.
Из-под мостов слетимся, отчеркнув
Главу: опущенные руки.
И запоём, а может быть, и клюв...
И не слова, а только звуки...

1935

СЧАСТЬЕ

По весне, хитрей, чем Калиостро,
Трижды в день у городских застав,
Счастье паспорт проверяет просто,
Пряча грим в серебряный рукав.
И въезжает всё ещё в карете,
И в предместье станет у крыльца,
Узнавая занавески эти
И на ставнях круглые сердца.
Там, где пахнет плесенью и воском,
В маленькой гостиной, у зеркал,
Ты меняешь второпях причёску,
Подглядев учтивейший оскал.
Март стекает с заблестевшей крыши,
Веерами распушил кусты,
Зазывают на углах афиши
Суеверных ласточек, как ты.
"Боже мой, ты ангел или дьявол?"
Но, уже не помня ничего,
Ты впиваешь страх и славу –
Ты – подруга верная его.
Привыкаешь, вышла на подмогу:
Белый плащик, синее трико.
Ты – бледна, но где твоя тревога –
Слабым пальцам обмануть легко.
Понимая взгляд его и слово,
Ловко пряча за спиной беду,
Ты тасуешь песни перед новой,
Побледневшей, во втором ряду.

1935

* * *

Переводится молодость: счастье, взболтни,
И в последний разок, обжигая,
Льются в кровь сумасшедшие звонкие дни.
В сердце шёпотом: дорогая...
Брось бутылочку и рецепт –
Кризис в прошлом: ты смотришь и дышишь,
Твой нежданный, твой поздний, твой алый
расцвет.
Всё равно ведь уже не пропишешь
Десть бумаги! (не узенький ярлычок,
Где на штемпеле ангел кудрявый)
Вынь перо, карандаш или даже смычок,
И венчай свою молодость славой.
И на нотной бумаге напишешь сонет,
Констатируя смело коллегам:
Наступивший покой, остывающий бред,
Тротуары, покрытые снегом...

1935

* * *

Твои слова? Томление моё?
Иль этот вечер с дождевою дрожью?
(Глаза к глазам, зрачки, как остриё)
Скажи теперь, но что же было ложью?
И где теперь тяжёлая стена?
Неделями разлуки, расстояньем
Она разрушена? Иль, может быть, она
Украсилась калиткою, дверями?
И плющ на ней прикинул кружева,
А сзади дом и наскоро – тюльпаны...
Добро пожаловать! Моя любовь – жива,
И вот летит через чужие страны.
Всё узнаёт снесённое в сенях.
Вот наше первое обзаведенье:
Мой первый сон и мой последний страх.
И наша смерть и наше пробужденье.
Кудрявою склоняясь головой,
Рисует ангел облака и поле,
Чтоб всё, как в жизни было. Неживой,
Ты забываешь о последней боли...
Глаза к глазам. Я требую, скажи.
Ведь ложь была, она была сначала?
Но шепчешь ты, что не бывало лжи,
Что ты узнал, что я тебя узнала...

1935

* * *

Мир по шву остриём распорот –
Прочный мир. Перелицевать?
Или новый, как этот город,
Унести, заметать и сшивать?
Шире – плечи и к вороту ярче,
Звонкий шорох: парча или штоф?
Нитки рифмы, рабочий ларчик
И строка за строкою, как шов.
Вьются улицы, как воланы,
Звёздный шлейф у недвижных ног,
Но тебе подражают страны,
И листают твой каталог.
Вот и плащ заботливо выткан –
Как нарядна твоя судьба!
И последнею алой ниткой –
Венчик на середину лба...

1935

* * *

Нет лучей, но отражённый свет
Бьёт от стен напротив, известковых...
Над кроватью стёртые подковы
Счастье приносили много лет.
Тень у ног пуста и коротка,
А лицо прозрачнее и суше.
Зеркало покажет у виска
Сеть морщин, что стянет и задушит.
И поверю – будет тот же свет,
Белый и слегка голубоватый...
С чёрным бантом на столе портрет,
Для тебя заказанный когда-то.
Вот портрету будем нипочём
Состязаться с тою, на постели.
Пятна проступают еле-еле –
Ретушь сняла крылья за плечом.
Только ты, что и меня забыл
И его не получил когда-то,
Будешь помнить шелест белых крыл,
Мёртвый свет руки голубоватой...

1935

* * *

Письмо наизусть не пропеть,
Поднимая глаза на раёк,
Написано несколько строк,
Что и в сердце не смеют звенеть.
Татьяна, вслед за тобой,
Хоть тысячу раз повторяй,
Не взлетит потолок голубой,
К райку не приблизится рай.
От сердечного этого жара,
От бессонного жара глаз.
Ни косы твоей, ни пеньюара,
Ни наперсницы в этот час...
И не встретиться через годы
Ни в гостиной, ни на балу...
Только песенка с огорода,
Только пяльцы твои в углу.
Этой девочки деревенской
Больше рядом со мною нет...
Ленский...
Сероглазый и не поэт.
Мы остались вдвоём на свете,
Познакомимся и пойдём:
Мох на брошенном пистолете,
Осыпается белый дом...
Ничего уже не исправить,
Не писать до зари без сна:
"Я люблю, для чего лукавить?
Я – чужая, я неверна..."

1935 (?)

* * *

Придёт пора, и будет чист
Твой мир, простёртый на закате,
И стих, что станет не речист,
Заговоривши об утрате.
Презрев в последней тишине
Свою любовь, свои измены,
Оскудевающие вены
Забудет сердце в полусне.
И голос будет иссякать,
Слова, что угли, потухая,
Золою заметут тетрадь.
И вот впервые, не вздыхая,
В какой-то день, в какой-то час,
Услышишь ты иные звуки,
В последний раз взметнутся руки
И веки устрашенных глаз...
И будет мерно холодеть
Прекрасный сон самозабвенья,
Уже привычные виденья
Не устают сверкать и петь...
И перед зеркалом своим,
Волос раскладывая свитки,
Ты, как музейный Серафим
С ненумерованной открытки.
Твоя душа, поклажу сил
Земных отбросив без усилья,
Колышет синие надкрылья
Над парами скрещённых крыл...

1935

* * *

Отчаялся день – не расцвесть.
Не в солнечном прежнем обмане, –
Ты – в комнате, в белом тумане,
Сегодня такая, как есть.
И вот как ты нынче живёшь,
Когда не царит вдохновенье,
Когда отступившая ложь
Оставила мёртвые тени
У глаз и у губ, а с плеча
Исчезла умелая ретушь
Крыла, что несла, волоча,
Ты взмахом небрежным, по свету.
Ну что же? – Теперь умереть.
Ты жалуешься на усталость,
Утратив пернатую малость,
Где даже руки не согреть.
Ты пальцами шаришь вокруг,
Но нету луча за тобою,
И комната не голубою,
А серою кажется вдруг.
Умри. Это осень пришла.
Три месяца будет всё то же,
А зимнее солнце поможет
Тебе, ты отыщешь крыла.
И там, и в раю, где такие,
Налгавшие людям во сне,
Приняв за фиалки, втайне,
Рвут звёзды за стебли тугие...

1935

* * *

Под утро сорвётся дыханье
От нежных упрямых толчков,
Под утро таю трепетанье
Тобой зарожденных стихов.
И знаю, что лучше и краше
Ещё не бывало стиха.
Бумажные вороха́
Ждут счастье случайное наше.
Огромную радость вдохни
В слепые невнятные звуки,
Когда на бумаге стихи
Расправят сведённые руки.
Ведь скоро они зазвенят
Впервые, желанные строчки,
Родившиеся в сорочке
И, даже, с крылами до пят...

1935

ГРОЗА

(1-ый вариант)

Был гром от нас в полуверсте,
Вскрывались молнии, как вены,
Шёл дождь и шарил в темноте
По тротуарам и по стенам.
Как в детстве, страшная гроза...
Не видя, ничего не слыша,
Ждала ты, заслонив глаза,
Удара над твоею крышей.
На мир твой пыльный и поблёклый,
Сквозь слабый щит железных штор,
Спокойно, грозно и в упор
Взглянуло небо через стёкла.
Был ослепляющ синий свет,
Входя сквозь веки и ладони,
Разбивший двери на балконе
И покоробивший паркет.

1935

(2-ой вариант)

Провода поют, смолкают птицы,
Жёлт венок в опущенной руке,
Городская роза из петлицы
Снова расцветает в сундуке.
В невысоком небе, в белом небе,
Лебеди сегодня далеки,
Но измятый проволочный стебель
Голубые выгнал лепестки.

И мечтает бархатное чудо
О гитарной трели за стеной,
Что я тоже в городе забуду
Трёхнедельный невозвратный зной,
Что меня узная по загару,
Бледному загару моему,
Ночью птицы посетят гитару
И сквозь струны попадут в тюрьму.
Вот смотри, почти уже поверя,
Я венок роняю из руки,
В сером доме, за тяжёлой дверью
Ждут меня две первые строки.
И с цветком нелепым, не колючим,
Может быть, откроется тебе
Не июльский зной, но что-то лучше -
Жар, который по плечу судьбе.

(3-ий вариант)

Провода поют, смолкают птицы,
Увядает розовый венок,
От дождя и по полю струится
Перекрёсток явленных дорог.
Сколько же путей ещё возможно
Влево, вправо от больших путей?
Зыбкая дорога непреложно
Ждёт следов и по пути вестей.
Хлещет дождь, и голубые пряди
Холодно твердят - наперекор, -
Милый друг, твоё несчастье - сзади,
Как цветочный головной убор.
Дачный отдых забывай, как скуку,
А любовь, как вялые цветы.
Положи на дождь спокойно руку,
Принимай посланье высоты.

Не жалей. На первом полустанке
В поезде просохнет воротник,
Ляжет лист на водяные гранки,
И стихами обернётся крик.

* * *

Я – всё та же, и видят глаза
Всё, как прежде – как видеть не надо.
Вот над винною лавкой лоза,
Оживая, ползёт по фасаду.
Винограда стеклянная гроздь
Наливается соком и светом,
Задремавший за стойкою гость,
Пробуждается снова поэтом.
Видит море и жёлтый песок,
И звезду на светлеющем небе,
Где асфальта чернильные гребни
На зеркальный ползут потолок.
Вот сейчас бы не медлить, скорей! –
Не помогут мольбы и угрозы.
Листья вьются у фонарей,
И устойчивы слабые лозы...
Тишина и рассвет за углом,
И в росе твои руки и плечи,
Кто-то машет навстречу крылом,
Кто-то крыльями машет навстречу.
И, как след, голубая стезя
По стене проплывает на крышу,
Но полёта мне видеть нельзя,
Потому что я пенья не слышу.

1935–1936

* * *

Не умирай, не верь, не жди,
Что будет райская награда.
Покроют руки на груди
Цветами из чужого сада.
От выцветающих оград,
Где спят напуганные адом,
Ты не увидишь этот сад,
Не пролетишь над этим садом.
Взойдёт непышная трава
Над желто-розоватой глиной
И будешь помнить ты едва
Озёрный шорох лебединый,
Цветы на письменном столе,
Грозу, встающую над скатом,
И руку на плече крылатом,
Крылатом только на земле.

1935

ФЕВРАЛЬСКИЕ СТИХИ

В феврале заблестела земля,
И легко вознеслось над тобою
Это небо конца февраля,
Желтоватое и голубое.
Блеск у ног твоих и наверху,
И крылатая сила в запястьи...
Вот скворешни навстречу стиху,
Заскрипев, раскрываются настежь.
Мы по мокрым дорожкам идём,
Говорим о больших переменах,
Мы влетаем, и пахнет дождём
В деревянных некрашенных стенах.
Вот и всё, и погода ясна,
Будет завтра такою же вешней,
Рано утром проснётся весна
На пороге просохшей скворешни.
И когда из далёких концов,
Хлопотливых, узнавших о чуде,
Встретим мы настоящих скворцов,
О весне догадаются люди...

1935–1936

* * *

Ты не поёшь, ты стала старше,
Ты – побеждённая, не та,
Но прямо вверх, крылатым маршем
Спешишь сегодня от моста.
Такая вышла в полночь встреча
Поэтов, брошенных, бродяг,
Что серый ангел взял на плечи
Ваш синий, ваш линялый флаг.
Зачем холодные перила
Ты слабой трогаешь рукой?
Бросайся вверх с последней силой –
Там Млечный путь шумит рекой.
И проводник из тёмной ниши
Над нерешительной толпой
На облака всё выше, выше
Ступает каменной стопой...
Конец поэтов и бродяг –
Сегодня смерть твоя крылата,
Как жизнь твоя была когда-то,
Пока ты расшивала флаг...

1935-1936

* * *

Захлёбываясь, не упасть,
Всю ночь бороться с наважденьем
И чуять, как подходит власть –
Ночным бесшумным наводненьем.
Чужая власть уже близка,
Затопит комнату и душу...
О, если б розовую сушу
Спасительного островка...
Предместье города плывёт,
В садах качаются решётки,
И плеска медленного лодки
Ещё душа напрасно ждёт...
Но нет ни грома, ни дождя.
Неощутимо и незримо
Пройдёт любовь, быть может, мимо,
Все занавески отводя,
Все ставни сняв, дойдя до крыш,
К твоим ногам, но ты забьёшься
В углу, как спящая, смолчишь,
Как спящая, не отзовёшься.
И нежностью в последний раз
Коснётся губ и вдруг отхлынет...
Ты спасена, но сердце стынет,
И слёзы первые из глаз...

1935–1936

* * *

После такой разлуки,
После такой любви
Из-за плеч прохладные руки
Ложатся на веки твои.
И догадаться не смея,
Кто стоит за тобой,
Ты видишь, что мрак мутнеет,
Становится голубой.
И шумен прозрачный воздух,
И боль не коснётся век,
И звёзды, синие звёзды
Плывут, озаряя снег.
Смотри, в этом новом мире
Такой огромный простор,
Всё выше, светлее, шире
Привычных озёр и гор.
Пусть руки тонки и слабы,
Опущенные, как плеть –
Там даже и ты смогла бы,
Как прежде, во сне взлететь.
Каменный ангел не тронет
Крыло твоего плеча:
Лети, не будет погони,
Ты умираешь – ничья...

1935-1936

* * *

(2-ой вариант)

Реки – чернильный запах,
Грусти, царевна, плачь,
Ведь в лягушиных лапах
Твой золотистый мяч.
Из книги, где страницы
Курчавы на углах,
Летят к тебе жар-птицы
На розовых крылах.
Как голуби, застонут,
Тоскуя и любя,
– Не отдавай корону,
Не отдавай себя.
Пусть оборотень чёрный –
Царевич и жених –
Склоняется покорно
У слабых плеч твоих...
Не верь, он в пруд затянет,
Как холодно в пруду,
Царевна перестанет
Играть в своём саду.
А мёртвые жар-птицы
В музеях за стеклом
Напрасно будут биться
Линяющим крылом.
Не помышляй о чуде
Счастливого конца:
Тебе любви не будет,
Ни света, ни дворца.

Париж 1935–1936

* * *

Но из мрака тоски и разлуки,
Ускользая из тлена и пут,
Озаряются нежные руки,
И как лебеди руки плывут. –
Проклиная, благословляя,
Как на лире, легко трепеща,
Голубую ладонь раскрывая,
Ничего на пути не ища...
Чтобы только ещё прикоснуться,
И вокруг обессиленных плеч
Распахнуться и тесно сомкнуться,
Чтоб печальное сердце сберечь.
И его заслоняя от муки,
От такого привычного зла,
Подымаются белые руки,
Продевают запястья в крыла.
И покорно тогда затихая,
Свой полёт отдаляя во сне,
Чуют сердце, что бьётся вздыхая,
После плача и счастья вдвойне.

1936–1937

* * *

Никакого насилья над сердцем,
Ни над волей, ни над рукою.
Ангел мой, нужно лечь и раздеться,
Я вас завтра опять успокою.
Стёкла окон легко собирают
В новом хоре луну и созвездья.
От тоски иногда умирают,
Или в горы для отдыха ездят...

1936–1937

* * *

(1-ый вариант)

Возвращайся в пятый раз и сотый,
Знаю я (тебе не надо знать),
Что прощу с печальною охотой,
Что приму с надеждою опять.
Восставали ангелы и звали,
И скошенным ликом заслоня
Синие небесные скрижали,
Холодок небесного огня...
Но земная девушка стояла
На лугу с закинутым лицом.
Ангел, ангел, начинай сначала,
Приходи за брошенным кольцом.
А пока крыло его шуршало
И ломало перья на пути,
Сердце от блаженства не дышало.
. . . .

1936–1937

* * *

В счастливый дом, где розы на столе,
Где птицы неразлучные щебечут,
Тоска войдёт и, приютясь в золе,
Внезапной смерти приготовит встречу.

1936–1937

* * *

Ещё вести покорный стих
Перо привычно продолжало,
Но было творческое жало
Изъято из стихов моих...
И сколько месяцев прошло –
Заклятые свершились сроки.
Уже не ранящие строки
К руке слетали тяжело.
И крыльев мутную слюду,
Легко ломая за игрою,
Не знали, что душа порою
Уже предчувствует беду.
И на таинственной черте,
Уже не поднимая взгляда,
Слабеет от чужого яда
И видит сны о немоте...

1937

ДЕТСКАЯ КНИГА

I

Звон стекла, дуновенье шторы,
Шорох шёпота на крыльце.
Прямо в окна вползают воры
С полумаскою на лице.
И уже на ногах вериги. –
"Мы безжалостно заберём
Ваших кукол и Ваши книги,
Даже плюшевый Ваш альбом"...
Безошибочно, в лунном свете,
Тот, кто стройный и впереди,
Голубой медальон заметил
Под оборкою на груди.
"Вы влюбляетесь слишком рано
(Створки – отперты без труда),
Бойтесь верности и обмана,
Бойтесь памяти навсегда".
В чёрном бархате полумаски
Холодны, тяжелы глаза:
"Вы читаете на ночь сказки
Перед зеркалом, стрекоза.
И уже полюбить решая,
Словно сердцу пятнадцать лет,
Вы мечтаете, как большая,
И страдаете, как поэт"...
Но покорны, прозрачны руки
От ладони и до плеча, –
И описаны эти муки
В басне "Бабочка и Свеча"...

Забывая найденный мячик
И оборванный медальон,
Нежный голос наутро плачет
И в стихах вспоминает сон.

II

От слов твоих, от памяти моей
И от почти такого же апреля,
Опять поёт забытый соловей,
И близится пасхальная неделя.
Но всё встаёт в какой-то полумгле
И призраками - праздничные лица,
Цветы сияют мутно на столе,
А соловей, как заводная птица.
Он так поёт, что плачет богдыхан
В истрёпанном собраньи Андерсена:
- Хочу того, - но тяжелей туман,
И дальше север, и слышнее Сена.
И девочка под заводную трель
Боится так, как прежде не боялась,
Сказать тебе, что и сейчас апрель,
Что с нами память, кажется, осталась,
Что можно бы попробовать ещё,
Но вот она сама уже не верит,
Хоть соловей садится на плечо
И щёлкает и нежно лицемерит...
И дождь идёт без запаха дождя,
Без шелеста, стекая с переплёта,
Где спят герои, руки разведя,
Как для объятья или для полёта.

1938

* * *

Первая печаль в степи дорожной
Васильком далёким расцвела.
Я сорвать хотела: можно? можно?
Но карета мимо проплыла.
И в квадратной комнатке кареты
Я рыдала, кажется, - часы,
Бледной девочкой росла за это
И ждала показанной красы:
Синих платьев бальных и душистых
Или чьих-то ангельских очей.
Только было в небе - пусто, мглисто
Всех дорожных тысячу ночей.
И так скучно было в этой ровной,
Чуть дрожащей в мареве, степи,
Звёзды взоров так ещё - условны,
Что в слезах себя не ослепи.
До поры, пока назад в карете
Ты поедешь той же колеёй,
И столетний василёк заметит
Твой призыв настойчивый и злой.
И к обочине стеблём змеиным
Проползёт и в руку упадёт:
Что так поздно?

1935-1938

* * *

Лежи во льду, усни во льду,
Я светлый голос украду,
И с той поры, что он угас,
Я запою, как в первый раз.
Во льду – нетленна красота,
И тесно сомкнуты уста,
А от ресниц ложится тень
И день и ночь, и ночь и день.
А я пою, и голос твой,
Как прежде, светлый и живой.
Прекрасный падший херувим
Легко становится – моим.
На этот голос как не встать?
Но нет, во льду – спокойно спать.
Во льду – нетленна красота,
А ты – всё тот, а я – не та.

1935–1938

* * *

Две каменных ладони из-за плеч
Твоих навеки лягут и застынут,
Их поцелуи с глаз не отодвинут,
Тебе – не встать и света не сберечь.
Но вспомни, вспомни, как порой сама
Пылающие веки прижимала,
Что видеть то, что ты припоминала,
Что возвратить могла такая тьма,
Как – жгло ресницы небывалым жаром,
Росли цветы и таяли в огне,
Но ты ждала, и ты томилась даром –
Была – легка ладонь на простыне.
Так жди теперь. И эта тьма сгустится
До той, что ты, быть может, не ждала,
И где, раскинув два больших крыла,
Уже летит не ангел и не птица.

1935–1938

* * *

А. Штейгеру

Это к слову пришлось в разговоре
О любви, – и я снова пою
О тебе, о беспомощном взоре
В гимназическом нашем раю.
Где трубили сигналы на ужин,
Не архангелы ли на холме?
Проводник и сегодня не нужен,
Мы слетаем навстречу зиме.
И у домика, где дортуары,
В прежней позе стоим у крыльца –
Вечный очерк классической пары –
Два печальных и детских лица.
"О, Ромео!.. и плачет Джульетта:
О, Ромео, что будет весной?"
За апрелем: разлука и лето, –
Ты ещё до сих пор не со мной...
И на мраморных плитах гробницы
Мальчик бьётся, боясь умереть.
А надежда листает страницы
И по памяти пробует петь.

1935–1938

* * *

Чем дальше будет расстоянье,
Тем зов слышней через года.
Над городом стоит сиянье,
И в снежных хлопьях провода.
Кружится сажа, и под насыпь
Вагоны падают легко.
Но с каждым мигом, с каждым часом
До звёзд всё так же далеко.
Над морем светлым, над горами
Лучи звучат, как водопад,
И вечерами, и утрами
Ты слышишь зов: вернись назад.

1935–1938

* * *

"Добра и зла, добра и зла -
Смысл, раскаленный до бела".
Г. Иванов

"Как правая и левая рука,
Твоя душа моей душе близка.
Но вихрь прошёл, и бездна пролегла
От правого до левого крыла".
М. Цветаева

Если левая ручка - добро
И белее, чем серебро;
Холодна и нежней пера
И готова - подать с утра;
Если левая да ладонь,
Говорит: не ласкай, не тронь.
Я - суженая, я - судьба.
Я перстами касаюсь лба, -
И прозрачнейший перстенёк,
Как болотный, горит огонёк -
Не согреет и так далёк, -
Подойдёшь, а он - наутёк...

То на правой моей руке,
Как на классной да на доске,
Нарисованный символ зла
Подымает конец крыла;
Правой ручкой бы только бить,
Подзывать, получать, теребить;
Сверху ручка моя - смугла,

Горяча и кольцо сняла.
Но пожатье таких десниц!
Но объятье бескрылых птиц!
Но присяга таких перстов!
И у флага: а ты готов?
И когда им сойтись, Адам?
Ты познаешь, а я отдам.
И, как боги, Авель и Каин –
Семя наших извечных таин.

11. 8. 1942

* * *

Платить по счетам! Два года ни строчки
Новых стихов. Стыдись же, пиши!
Что делала ты? Я вязала носочки,
Пеклась о сыночке, мечтала в тиши.
Ты лжёшь, ты спускала петли со спицы,
Ты хмурилась сыну, мечтала черно,
Ты стала беспомощней запертой птицы,
Что смотрит задёрнутым глазом в окно.
Что делала ты? Я письма писала,
Немножко гуляла, хотела любить,
Я вспоминала, я рисовала,
Хотела смириться, хотела забыть.
Что делала я? О, порою, случайно,
Встречала судьбу, под аркадой, тайком.
Судьба проходила, как чуждая тайна,
Косилась ресницами, узким зрачком.
Порою, не чаще, чем раза четыре,
За целый за год, заходила к нам.
Мы говорили о войнах, о мире
И чокались рюмками по краям.
Судьба анекдоты плела мне вяло,
Я хмуро рассматривала судьбу.
Такой бы её я навек изваяла,
Такою её я увижу в гробу.
Высокая. Холод, покой и скука
В тяжёлых глазах. Длиннопалой рукой
Она в мою душу стучалась без стука
И мне обещала любовь и покой.
Любовь ли? Не знаю. Только объятье,
Вернее, она захотела мне дать.
И так порешила она, и заклятье
Я скромно несу, как несут благодать.

Два года прошло, я её искушаю,
Но, впрочем, в душе я, без боя, сдалась.
Что делаю я? Я покой не вкушаю,
Я только платить по счетам принялась.

5. 8. 1942

* * *

Чёт и нечет. Белый кречет.
Брось монетку. Хочешь решку?
Подо льдом ручей лепечет,
Ты в сугроб втыкаешь вешку.
Да иль нет? Взвилась монетка,
Провалилась, как в могилу.
Что там крылья или сетка?
Что получишь смерть иль силу?
Возвратись весной, в апреле,
Снег немного пооттает:
Вешка выше еле-еле,
И монетка прорастает.
Будет всё: из-за решётки
Крылья вырвутся, заплещут.
И орешника серёжки
От веселья затрепещут.
Если ты наклонишь книзу
Подбородок, обещая,
Серьги позабудут вызов,
Отражая и прощая...

6. 8. 1942

* * *

Ни искать, ни звать тебя не надо,
Будет так, как звёзды захотят.
Бузина парламентского сада
Расцвела созвездьями подряд.

Нет счастливей в небе сочетаний –
Колдовские расцвели цветы.
Сломанная ветка не завянет –
На подушке снежные кресты.

Тяжко спать, вдыхая этот запах.
В небе синем – млечная тропа,
И Медведица в холодных лапах
Держит синий ободок серпа.

Жнёт цветы. И вниз слетают звёзды.
Милый друг, я жду тебя одна.
Сон далёк. Высокий синий воздух
И дорога за окном – видна.

26. 6. 1942

* * *

Искры летели, треща, надо мной,
Нимбом, совсем как по громоотводу.
Гребень девчонки чёрной одной
Падал из рук в изумрудную воду.
Сладко я пела в стихах о тебе,
Всё подманить я старалась, и годы...
Ты, не совсем доверяя судьбе,
Видел в легенде лишь "чудо природы".
Вот расчеши-ка теперь мой бурьян.
Стал он короткий, кудрявый, капризный.
Ты, наконец, мне надеждою дан
В сорок четвёртой русалочьей жизни.
Тихо на палец колечко возьми,
Сам его свей, не срезая, на память.
Мы обернулись сегодня людьми.
Флаги плывут, а над флагами - знамя.

* * *

Рука в руке. Легки, безвольны руки.
Им – клавиши слегка перебирать,
Писать стихи о смерти и разлуке,
Не зябнуть, не дрожать, не загорать,
И не трудиться и не напрягаться,
Не рвать оковы и не убивать, –
Плескать, как голуби, легко прощаться,
Благословлять и никогда не звать.
Рука в руке... Смотри, соединились
Мои с твоими. Стоя на ветру,
Ты видишь, как скрещённые – молились,
Заламывались горестно в миру.
Четыре – образовывают цепи,
Не надо рвать ни цепи, ни венки.
Объятье лебедя – и лебедь слепнет, –
Крыло к крылу, на берегу реки.

27. 6. 1942

* * *

Аркада за аркадой, и в пролёте
Средневековый, невысокий мост.
Я Вас пойму и Вы меня поймёте,
Наш путь вдвоём и радостен и прост.

Я Вам прощу, а Вы меня простите
За нетерпенье женское моё.
На сером и обветренном граните
Построено высокое жильё.

Мы будем знать, что больше разлучаться
Нам никогда не будет вмоготу.
Вот сани белые навстречу мчатся
И останавливаются на мосту.

26. 6. 1942

* * *

Белая гребёночка, волосы, как лён.
Не пришла девчоночка, не дождался он.
А казалось, к празднику, вправду был хорош
Пьяному проказнику подвернулся нож.
Всё стоял у зеркала и не узнавал,
Жизнь тебя коверкала, била наповал.
Для чего же лучшую радость ты убил?
Как тебя ни мучила, мил ей кровно был.
Горлышко закинулось, слабо полоснул,
Только запрокинулась на плетёный стул.
Только веки вскинула, кровью изошла,
Навсегда покинула, навсегда ушла.
Золотые волосы даром расчесал,
Не услышишь голоса из твоих зеркал.
Белая гребёночка, зубчики остры.
Нет твоей девчоночки, нет твоей сестры.

27. 6. 1942

* * *

Золушка, в чёрной карете,
На чёрных, на страшных конях,
Единый, любимый на свете
Примчался, стучится в сенях.
Привёз башмачок он лебяжий.
Стряхни же седую золу.
Он слово заветное скажет
На новом, на лучшем балу.
Тогда не успел он, наверно,
Тебя потерял у дверей, –
Вздыхала толпа лицемерно
Всех вывезенных дочерей.
С того чародейного бала
Он так похудел, занемог,
Что заперта белая зала
И срублен высокий порог.
Герольды по замкам искали,
И рыцари – по городам.
Едва ли, едва ли, едва ли
Найти среди розовых дам
Такую поспешную ножку,
Такой неуверенный шаг...
И вот он ступил на подножку
Кареты, спускаясь в овраг.
И там, в захудалом селеньи
Тебя, что ушла от своих,
Находит и стал на колени,
Приник, улыбнулся, затих.
О, бала блестящее в мире
Никто не увидит во век.
Там ангелы песню на лире
Играют для двух человек.

28. 6. 1942

* * *

От мёртвого дерева
Ни тени, ни цвета,
Ни яблок золотых.
От газов - от курева
Отравлено лето
И замок, и мир затих.
Древний замок,
А мир как молод!
Сколько лет тебе в мире?
Портрет выходит из рамок.
От призрака - холод.
Сколько лет тебе? Только четыре?
Война повсюду.
Ты чуду не веришь.
В раны мира вложи персты.
Стихов перечти груду,
Любви моей не измеришь,
В сердце моём родишься ты.

28. 6. 1941

* * *

Слёзы твои смахну,
Если ты случайно заплачешь.
Твою заслоню вину,
Если ты своим сердцем заплатишь.

Мы не пойдём на войну,
Только зальём войну:
Кровью, слезами, дождями.
Мы искупим вину.

Нас не клонит ко сну,
Но мы не будем вождями.
Ангелов Божья рать
Стелет павшим кровать.

Спите в перинах, солдаты.
Мы - не должны умирать;
Нужно камни собрать,
Нужно поставить заплаты.

28. 6. 1942

* * *

Зазвенят цветы - бубенчики,
Золотые и лиловые,
Залучатся в травах венчики,
Все душистые и новые.
На лугу под Берном, в шелесте
Тех берёз, что мы не видели,
Я твоей поверю прелести,
Что другие ненавидели.
Улыбаешься - измученный,
Возрождаешься - иссушенный,
Приближаешься - прирученный,
Столько раз уже задушенный.
Ненаглядный, незапятнанный,
Необещанный, неведомый,
Всё ненужное запрятано.
Мы взлетаем за победами.
Вслед за травами и пчёлами,
Вслед за липами и птицами.
За кровавыми, весёлыми,
Недалёкими зарницами.

28. 6. 1942

* * *

Не забывай, не обижай, не отводи.
Ведь сердце женское в моей груди.
Ведь в сердце женский, тёмный, вечный
страх,
Ведь я иду наощупь и впотьмах.
Не запирай высокое крыльцо,
Не отвращай далёкое лицо,
Ведь я забыла для тебя других,
Ведь мир сегодня для меня затих.
Ведь я иду в последней тишине
И только смутно помню о войне.
Любимый, поддержи, не покидай,
К плечу склониться на мгновенье дай.
О, дай мне только раз передохнуть,
И мы опять продолжим прежний путь.
Прости меня за слабость и грехи,
За розы, за свиданья, за стихи. –
И что в течение двух этих лет
Молчала я всегда тебе в ответ.

28. 6. 1942

* * *

Барокко лебедем изогнуто вокруг:
Фонтаны и мосты, порталы, крыши.

И серый ангел (крылья – полукруг)
Глядит спокойно из глубокой ниши.

Он каменным давно для мира стал,
Покрылись крылья лёгкой паутиной.

Течёт река. И ангел перестал
Молиться над кипящею плотиной.

На площади, за сгорбленным мостом,
Кружатся камни в полночь под ногою.

Вы думаете вовсе не о том,
Я Вас хотел бы увидать другою. –

И каменная тяжкая рука
Касается беспомощной ладони,

К тебе плывёт надежда и тоска,
Но кто тебя ещё надеждой тронет?

28. 6. 1942

* * *

Лес сгорел, и сёла догорели,
Только замок уцелел в дыму.
Плакали княжны, мехами грели,
Клали хлеб в дорожную суму.
Братья высоки, светловолосы,
Кони, словно лебеди, – горды.
Бейтесь с ворогом! Девичьи косы
Снег метут и гарь через сады.
Собирает топоры и вилы
Хмурая и верная дворня.
А княгиня шепчет: милый, милый,
Возвращайся, не покинь меня.
Старый князь склоняется к иконе
И к живым трепещущим рукам.
Ангельская сила оборонит
Древний род и передаст векам.
Сёла встанут, лес подарит поросль,
Сыновья дадут тебе внучат.
Мы любили, верили, боролись,
Мы летели через снег и чад!

28. 6. 1942

* * *

Верною и чернобровой
Я к тебе в ночи лечу,
"И в реке Каяль бобровой
Я рукав свой омочу".
Только рана всё – зияет,
Кровь горячую точит,
А стрела, как луч, сияет,
В сердце до пера торчит.
Кто тебя убил, коханый,
Кто скакал гонцом в Путивль,
Кто смывал с груди и раны
Жёлтую степную пыль?
Я не плакала зигзицей, –
Я молилась и ждала,
Я святой мочу водицей
Край разбитого крыла.
От живой воды с зарёю,
Воскресают мертвецы.
Я стрелу в степи зарою,
Как хоронятся концы.
И баян перстами тронет
Горла белых лебедей.
Кто надежду похоронит
Двух счастливейших людей?

29. 6. 1942

* * *

Из-под каждого шага растёт лебеда,
А бурьян из оврага не знает стыда.

Видишь сорной травою мир мой зарос,
А дышу синевою и тысячью роз.

За оградою сада - расчищен цветник.
Мне чужого не надо - мир мой велик.

Эти розы из воска и из стекла.
Золотая повозка к дверям подплыла.

Выезжай за ограду, я встречу тебя!
Не щадя, так, как надо, но только - любя.

Обвивают колёса мои лопухи,
Жалят злобные осы - слова и стихи.

Вылезай же, голубчик. Коня - под уздцы!
Был тут намедни купчик беднее, чем ты.

Он в овраге скончался, корягой прикрыт.
Он к тебе не стучался в серебряный щит.

Здесь богач умирает, желай - не желай,
Да тебя охраняет Святой Николай.

Выходи на дорогу, тревогу уймёшь.
Заведу не в берлогу и выну не нож.

Здесь два мира скрестились, любезный
сосед,
Здесь не мало постились за тысячу лет.

Заключим мировую. Здоровье твоё!
Хочешь розу живую в жилище своё?

1. 7. 1942

* * *

О, не царица, только Суламифь
Войдет к Тебе, когда настанут сроки.
Да будет так: ночной реки извив,
И виноград, и первые уроки.

Холодным и жестоким был с другой.
Со мною будешь - только терпеливым.
Высокое чело и бровь - дугой,
Но почему-то стал неприхотливым...

И Песня Песней миру говорит
О том, что радость выбрана не слепо.
В библейский год Тебя боготворит
Любимая и на пороге склепа.

Но храм сияет нам невдалеке,
Сожженным будет, мы его отстроим.
Моя рука теперь в Твоей руке,
Июль дохнул иерусалимским зноем.

2. 7. 1942

(2-ой вариант)

СУДЬБА

О, не царица – только Суламифь
Войдет к тебе, когда настанут сроки.
Да будет так: ночной реки извив,
И виноград, и первые уроки.
Холодным и жестоким был с другой,
Со мною будешь только терпеливым –
Огромные глаза и бровь – дугой
(Но почему-то стал неприхотливым).
И Песня Песней миру говорит
О том, что счастье выбрано не слепо.
Возлюбленный, тебя боготворит
Любимая и на пороге склепа.
И храм сияет нам невдалеке,
Его разрушат. Мы его отстроим.
Моя рука лежит в твоей руке.
Июль пахнул иерусалимским зноем.

* * *

Бьют часы на Цейтглокене. Ночь во дворе.
И слышнее звучанье фонтанов повсюду.
Вот один в темноте, на сплошном серебре,
Словно пальчиком манит к весёлому чуду.

Мы к нему подойдем. Через день, через час.
А луну зачерпнём и усталых напоим,
И никто не увидит счастливее нас
Никого, никогда за таким аналоем.

Бьёт фонтан во дворе, я смыкаю глаза,
Но я помню во сне, что ты любишь фонтаны.
И вода застывает, и словно лоза
Зацветает, наощупь, пока я не встану.

4. 7. 1942

* * *

Мне страшно моё вдохновенье без края –
Живу, догорая и не сгорая.

За встречу с тобою – платить до могилы.
Прощаю тебя за нездешние силы.

За всех говорю, за тебя говорю, –
Ночами и вечерами горю.

Утрами и днями пою и пишу.
Почти умираю, почти не дышу.

Но сон опускается краткий, глубокий.
И снова даются мне новые сроки.

И я отдыхаю, и я затихаю,
И я на часы, на минуты стихаю.

Любовь моя. Жизнь моя. Смерть моя.
Вечность.
Прощаю тебе и твою бессердечность.

Мне сердце дано на двоих и на многих,
Для бдений, для будней суровых
и строгих.

2\. 7. 1942

* * *

И я теряла. Иов всё терял:
Стада, жену, детей и золотые...
И ты терял и, даже, горевал:
Слабы ладони и совсем пустые.
Но кто терял, тому возмещено,
Тому возвращено всегда сторицей.
Всё прощено и всё отомщено
Небесной справедливою десницей.
Умножь свой дар – ты не лукавый раб,
Не возвращайся к Богу без поклажи.
Ты стал могуч, ты был когда-то слаб.
Бела страница, не открыта даже.
Не грянет гром, пока ты не свершишь
Свой труд указанный и Богом данный.
Я говорю, а ты ещё молчишь,
Единственный, далёкий, долгожданный.

3. 7. 1942

* * *

Как трудно с тобою списаться,
Как сложно с тобой созвониться,
Как дивно тебя не дождаться,
Как страшно тебя не добиться.

Вот видишь: всё – лишние речи,
Но я не играю словами, –
Мне хвастаться больше и нечем
(Шелками и кружевами?)

Как трудно с тобой сговориться,
Как странно с тобой соглашаться,
Как сладко и страшно открыться,
Как трудно и стыдно вмешаться.

Ты слышишь бессвязные речи,
И ты их легко забываешь.
Смеёшься далече, далече
И, может быть, даже зеваешь.

Но рано с тобой расставаться
И расставаться недружно.
И ты не просил оставаться,
Но мне показалось, что нужно.

2. 7. 1942

* * *

Вей гнездо на скале, а пока не совьёшь,
Я к тебе не приду, да и не позовёшь.

Будут биться широкие тетерева,
И олени, и львы, и мечи, и слова.

Пусть гнездо далеко, мы легко долетим
По долинам, границам, сквозь слёзы и
дым.

Мы увидим с тобою голых орлят,
Принесём им в когтях златорунных ягнят.

Пусть охотники целятся - мы высоко.
Пусть зеваки глядят - мы с тобой далеко.

Как спокоен орёл, он на солнце глядит,
Неподвижна орлица, как серый гранит.

4. 7. 1942

* * *

В тёмном городе люди спали,
Ты проснулась и умерла,
В остывающем одеяле
Руки слабые развела.

И куда тебе было деться,
Узнавая мгновенный страх,
В этой жизни, совсем не детской,
В одиночестве и впотьмах?

Ты не видела за витриной
Смерти с розовой косой,
Этот крест на аршин от глины
С перекладиною косой,

И на блеклой парче покрова,
На шелку, что связал венки,
Эту надпись, где буквы снова,
Словно в азбуке велики.

* * *

Будь здоров, спокоен, ясен, весел.
На земле вблизи меня живи.
Мы чехлы снимаем с жёлтых кресел –
Мы с тобой венчались по любви.
Совпаденье или неудача,
Только счастьем мы теперь зовём,
Всё, что быть и не могло иначе,
Всё, что мы ещё переживём.
Были войны Розы Белой – Алой,
Но и наша кончилась война.
В этот вечер, тихой и усталой,
Знаю я: искуплена вина.
Наконец, прозрачной стала совесть
И душа. А сердце так полно...
Мы расскажем внукам нашим повесть,
Как нам было много суждено.

4. 7. 1942

* * *

Будет кончена книга, и я замолчу
С пустотою в душе, так легка и слаба.
И ты должен прийти, чтобы снова к плечу
Прислонилась твоя и раба, и судьба.
Если б только, когда эти строки пишу,
Мне узнать, что ты помнишь меня вдалеке,
Что ты знаешь, что я и люблю, и дышу,
Что бросая перо, я не верю тоске,
Что я руки не смею ломать от тоски,
(Ты ласкал мои руки, и я ожила).
О, разлука, с тобою у самой реки
И жестокой была, и желанной была.
Если б только на миг я поверить смогла,
Что ты больше меня не хотел никого,
Занавеску оконную я б отвела,
Полетела б к тебе от стихов, от всего.

28. 6. 1942

* * *

По радио холодный русский голос
Не признаёт, что Севастополь пал.
Душа моя, должно быть, раскололась,
Пока ты в белой армии не спал.
Как бились страшно наши под Каховкой,
Мучительно отстаивали Крым.
Серебряною маленькой подковкой
Луна всходила через белый дым.
На кладбище о Блоке ты заспорил,
Пока к утру не начался погром,
История рассудит. Рок ускорил
Возмездие. И вот - последний гром.
Тень Врангеля взметнулась над Востоком:
- Эвакуируйте в порядке Крым. -
Идут татары. Но на льду широком
Ливонских рыцарей мы победим.

5. 7. 1942

* * *

Первая всегда враждебна встреча,
Первое объятье – ни к чему.
Вот такая яростная сеча –
Только должное отдать уму.
Не люблю, но только уважаю,
С детства фехтоваться мы должны.
Шпагою играя, угрожаю,
Признаю, а Вы удивлены.
Голубой павлин, а рядом – белый.
Белый, Вы прекраснее в сто раз.
Я гляжу на Вас уже несмело
Сотнею своих павлиньих глаз.
Говорят, что хриплые павлины,
Умирая, лебедем поют.
Говорят, что голос лебединый
И любовь вещает и уют.

Шпаги скрещены на древних стенах,
Над столом дубовым, за спиной.
О любви, о страсти, об изменах
Вечером беседуешь со мной.

5. 7. 1942

* * *

Всё шире русло. Дельтою стихи
Расходятся и орошают землю.
Я говорю, как пахарь от сохи,
И только Богу за работой внемлю.
Приходят чужеземцы. Что ж? Привет!
Земля и впрямь для нас одних обильна.
И вы сбирайтесь за труды, чуть свет,
Работайте и правьте непосильно.
Не так легко рабами володеть,
Не так легко тебе княжить над нами.
О Рюрике поют стихи, как медь.
Над ним одним – нетлеющее знамя.
И Киев вырастает на Днепре,
Святой Владимир идолов сбивает.
По деревням девчонки на заре
Веснянки и берёзки завивают.
Язычники, а вот полком идут
Святым на лёд. Молился Дмитрий ночью.
Мы Русь не выдадим, враги падут,
И я увижу Рюрика воочью.
Сквозь Ледяной Поход, Побоище на льду,
Он прискакал со знаменем к столице.
Мы благодарны. Я к тебе иду,
Жена усталому воздаст сторицей.

5. 7. 1952

* * *

(2-й вариант)

Сегодня виденье возможного дня,
Как смерть, как рожденье коснулось
меня.
В привычных словах, в начертании чисел
Настойчивый зов, узнаваемый смысл.
Созвездья, соцветья, союзы, семья
Круги замыкают возле меня.
И будущим ширится пустота,
Сквозит и – срывается темнота.
И радость, почти что, приникла ко мне:
Сияющий иней на мутном окне...
Не спорь, не дрожи, не гори, покорись.
Здесь ад, словно парус, в закате повис,
Здесь рай отступает. Осенняя высь,
Как призрак вещает: не обернись.
Придет этот час – равновесие сфер.
И мир за оградою – больше не сер.
И я – не черна. И ты – больше не бел.
Пишу черновик. Заполняю пробел.

* * *

Во сне тебе неведомое снится.
Ты так бледна, печальна и горда.
Далёкий друг ни витязем, ни птицей
Не расколдует эти города.
Альпийских роз завеса расстелилась.
Ты спишь одна с его письмом в руке,
И тут же стража где-то примостилась,
И поваренок - в том же колпаке...
О, 333 длиннейших года!
Ты ждешь его жива и нежива.
А шут храпит беспомощно у входа,
И пыль и тлен съедают кружева.
Любимый друг заснул в далеком мире,
Незаколдованный, но так устал...
Но конь несет его, как на турнире,
А конь тропу в ущелье отыскал.
И вот в жилище, в этом бывшем замке,
Где мост подъемный словно холм зарос,
Стучат копыта, оставляя ямки,
И грудь вплывает в паутину роз.
Он спит теперь перед твоей постелью.
Ты спишь в ответ, а конь глаза косит
И машет гривой - белою метелью.
Её рука лежит, его - висит.
О, что ей вдруг привиделось,
промнилось?
Но вот она ресницы подняла,
Ни на единый миг не усомнилась,
Приподнялась и за руку взяла.
Как трудно было женщине, принцессе,
За стремя ухватиться и сказать:
- Вы у себя. Вы - в розовой завесе,

Я вам должна на звёзды указать.
– Целуйте же! – Но спит прекрасный
путник,
Стальные очи крепко заведя.
Солдат, поэт, рабочий и беспутник,
Не чувствуя, не помня, уходя.
И вот она холодных уст коснулась,
И он рукою по глазам провел,
И стража ринулась и спотыкнулась,
Павлина поваренок дал на стол.
И ликованьем колыхнулись горы,
А в городах чесали языки:
Она с него не отвращает взоры,
А он не выпустил её руки.

7. 7. 1942

* * *

Лилит, Сафо, Офелия и Ева,
Придите мне сегодня помогать.
В день радости, усталости и гнева
Я не хочу, я не умею лгать.
Нарцисса, Каина, Ангела и Яго
Мы встретим хором жалоб и стихов.
Постель свежа, а на столе бумага,
И голос женский из-под ворохов
Таких стихов, как ни одна не может
Тебе или иному написать.
Ведь нас тоска, нас червь могильный
гложет,
Нас не хвалить бы надо, но – спасать.
И сжалиться над нами на минуту.
Потом мы снова встанем и простим.
Сирена в Одиссееву каюту
Как рыба смотрит холодком пустым.
Но змеями волос метёт Медуза
Песок у ног убийцы и – слепа...
Моя надежда, падаю от груза,
Широк твой путь, узка моя тропа...

7. 7. 1942

* * *

Мой друг, примирённость прежде,
Чем даже начало пути.
Я в серой и пыльной одежде
Хочу за тобою идти.
Я мудрости не научилась,
Но верить в неё начала,
И кровь моя не просочилась,
Но в сердце сгорела дотла.
Смотри – непотухшие взоры,
Но их привлекла тишина.
На платье моём – не узоры,
Но вечные письмена.
И ночью за лунным сияньем,
А с солнцем – на Купину,
Иду за твоим обещаньем,
Не данным еще никому.

9. 7. 1942

* * *

О, если ты придёшь ко мне в июле,
Я буду жить еще, и петь, и знать,
Что яблони меня не обманули, –
Стоявшая рядами чванно знать.

Цвели, как фрейлины в своем уборе
Национальном, шитом серебром.
Теперь сложили ручки на заборе
И ждут, пока мы их не оберем.

О, мы ведь знаем – бледные, худые,
Они вальяжно станут румянеть.
Несут корзин – кареты золотые.
Всё к сроку: золото, рубин и медь.

29. 6. 1942

* * *

Июльские над домом ходят грозы.
От шаровидных молний, как от ламп,
ложится свет на парники и розы,
На кресло, на обои и эстамп.

На нарисованный на нем, не глобус,
Но шар земной - умелою рукой,
Глядит Фортуна, сдерживая злобу -
Круженье хочет оборвать рукой.

Коричневые пятна выступают
При свете бешеном и голубом.
О, счастье, так с людьми не поступают,
Мы сами наживем тебя горбом.

Ты думаешь, что лучше - остановка,
Чем этот путь, что вправду надоел?
Проходит ливень. На стене - подковка
Блестит над головою - твой удел.

10. 7. 1942

* * *

Как всегда, утверждение Ваше
Очень спорно, Марина, но Вы
Над горчайшей и полною чашей
Не склоняли своей головы.
Пили так, как на ассамблее
Пил гордец Большого Орла:
Хоть и пьян, но не плачет. Бледнеет,
Но сидит и глядит из угла.
Всё до дна. И во здравье Петрово.
Недоволен. Не обессудь.
У раба - свободное слово.
Сердце живо. (Изрублена грудь.)
Завтра выспимся. Опохмелимся.
А сегодня - Пьянейший Совет.
Мы ужасно как веселимся
И танцуем в Москве менуэт.

Так, Марина, и Маяковский,
И Есенин - Ваши друзья,
Поплясали в хмелю по-московски,
Потому что иначе - нельзя.
Разрезали наутро вены
И кудрями лезли в петлю.
Эх, кремлёвские, крепкие стены,
Эх, толпа, что кричит: улю-лю...
Где не горечь любви неудачной, -
Там родимый народ освистит,
Замолчит до каморки чердачной,
Позатравит, задавит, сместит.

Ваша дочка вторая, Ирина,
Похоронена где-то в Москве.

Бог Вам дал любимого сына -
Передышечку на траве.
Ваша первая - ангел Аля,
Встретит Вас над Кремлёвской звездой:
- Я осталась ребенком. Я ли
Поддержать не смогу родной?
И пойдёте Вы - цепкой, крепкой,
Твердокаменной, как по земле,
За любовью своей - за цепкой,
Как звезда на старом Кремле.

Вам, Марина, мы тут не судьи,
Мы поклонники Ваши тут,
Мы свои подгоняем судьбы
Под такой же, как Ваш, уют.
Накануне отъезда, в Париже,
Землянику мне принесли.
"Я в Нормандию еду". И вижу
Вместе с Вами Москву вдали.
"Счастья я, Марина, желаю,
Даже и в Нормандии, Вам".
До свиданья, такая злая,
Я Вас помню и не предам.

Что ж, Россия, еще грехами
Ты не слишком с зарёй пьяна?
Ассамблея твоя со стихами,
Ты до смерти влила вина.
Что ж, Россия, ты лихо рубишь
Под коленочки лучший дуб,
Что-то мало поэтов любишь,
Только кубок держишь у губ.
Нам не только бы пить с тобою,
Нам бы нужно и пописать.
Призадуматься над судьбою,
Карандашик свой покусать.

Чтоб стрельбы было меньше, шуму,
Чтобы комната - чуть светлей,
Чтобы время - подумать думу,
Чтобы на сердце - потеплей.
Мы ль не любим тебя от века,
Мы ль тебя не ведем вперед?
Вот - стихи. И душа - калека.
Вот петля - роковой исход.
Ах, набатом военным выла
Над тобою, Марина, Москва.
Самолеты бросали с пыла
Над траншеями не слова.
Но над фронтом восточным грозно
Цвет медовый волос сиял,
Резко, требовательно, не слёзно,
Ты кричала: ещё не взял!

12. 7. 1942

* * *

"Я подыму на воздух руку,
И затрепещет в ней цветок."

О, как Вы страстно этого хотели,
Всю жизнь была протянута ладонь.
И не в душе - во всём усталом теле
Дышала жизнь, и жёг её огонь.
Как я надеюсь, что теперь в ладони
У Вас цветок - огромная звезда.
Её никто не отберёт, не тронет.
Она не увядает никогда.
Вы сами были стоголосым чудом,
И мы его не смели удержать,
А что ещё хранили Вы под спудом,
А что ещё хотели б рассказать?
Ваш предок боковой, Адам Мицкевич,
Любил Россию (Пушкина), а Вы -
Вы - "пушкинист и критик Ходасевич",
Любили всё, изгнанник из Москвы.
Как мало чтут поэты и поэта, -
Учились очень плохо по стихам.
О, сколько раз я Вас прошу за это
Не осуждать по делу, по грехам.
Ведь я исправлюсь. - В дымном,
душном зное,
За бриджем вечным и в кафе
Я Вам теперь порасскажу иное.
Кончается с зарёй моя игра.
Сыгрались пары, впрямь, теперь на диво
И разойдутся в розовом свету.
Я больше не играю и радива,
Я воплощаю лучшую мечту.

И, если Вы хотели прежде ставить
На полудетские мои слова,
Теперь и я сумею их исправить,
Теперь и я, совсем как Вы – жива.
У ... стоят, журчат фонтаны,
С конечной остановки автобус
Сворачивает в радостные страны,
Где я Вас снова отыскать берусь.

15. 7. 1942

* * *

Птица вещая – Гамаюн
Не касается нынче струн.

Птица горести – Алконост
Улетела до самых звёзд.

Только Сирин поёт в дому,
А о чём и я не пойму.

– Нет радости – нет тебя.
Сирин, он не придёт, любя.

Сирин, Сирин, он не придёт.
Он – холодный, как первый лёд.

Сирин, он говорит: не хочу.
Мне, себе и даже лучу... –

Отвечает Сирин, кружась:
Он – жених. Он – Сокол. Он – князь.

7. 7. 1942

* * *

Через всё, что с тобою будет,
Через всё, что случалось со мной,
Сквозь чужие жилища и груди,
Сквозь туманы, метели и зной,

Через всё. Даже через разлуку,
Через годы любви и труда,
Сквозь почти позабытую муку,
Сквозь волокна оконного льда,

Через то, что последнее в мире –
Через чересполосицу рифм,
Сквозь струну на закинутой лире,
Сквозь коралловый, облачный риф,

Я к тебе доберусь. О, навеки
Так сковать лишь умеет судьба.
Я целую усталые веки
И спокойствие ясного лба.

16. 7. 1942

* * *

Как страшно горлу звук не довести
До высоты, услышанной, желанной,
Как страшно скрипке что-то не спасти
И кружевнице не сплести воланы.
Как страшно сына мне не довести
До жизни, что сама ему дарила
Как трудно что-то новое нести
И в темноте не ощущать перила.
Как радостно надеяться и ждать,
Что всё свершится, как в моей ладони
Написано. И верная печать,
Которую, быть может, смерть не тронет.

18. 7. 1942

* * *

Памяти Н. Плевицкой

Январем, тринадцатым числом
Замело меня нетающим снежком.
Вот была я тут и не была:
Шито-крыто. Тут метелица мела,
Закружила степь не с раннего ль утра?
Вот была тут препотешная игра.
Ни следочка, ни платочка, ни косы, –
Колеи – полозьев – синей полосы...
А за кем ты ехала в метель?
Разве дома не тепла была постель?
Изразцовая топилась жарко печь,
Даже было и кому тебя беречь.
Так пеняй же на себя. В сугробе спи
В белой, белой успокоенной степи.
Нет тебе могилочки-холма.
Совесть, как зола, твоя – бела.

20. 7. 1942

* * *

Ивана Купала, а лес городской.
Я сына купала, смотрела с тоской.
Как будто бы хилый, а милый до слёз.
Люблю до могилы, хочу, чтоб подрос.
Сегодня же в полночь – проклятый расцвет.
Сказала и полно: ни да и ни нет.
Из дома в окошко, ползком со двора:
Волчица и кошка – такая пора.
Не выть, не мяукать, наверх – цветником.
Хочу поаукать своим голоском.
Да милый мой занят, вот – голова!
Что счастье, что память, ему – всё слова.
Такой бесполезный, что хоть придави.
И нежный, болезный без женской любви.
Ау, ненагладный, глаза подыми
И радости жадной цветочек прими.
Горячий цветочек (ручку – платком),
Как уголёчек раздут ветерком.
И мне – недосуг, мимо крестов,
Забывши напуг, от дорог до мостов
Бегу, выбираю я чащу черней
И тут замираю и с нею и – в ней.
Ах, листья чернильны изрезаны все,
Как венчик умильный в могильной красе.
Как кружево – тонко, что челночком
Плетётся сторонкой, тишком и молчком.
Я круг очертила, я жду и не жду,
Как будто взрастила я эту звезду.
Как будто сама я должна расцвести
(В цвету-то я с мая, случайно, прости).
Я знаю, что нынче по календарю
Мой сын отмечал, что я рано – горю.

– Сегодня ещё не канун, не Иван.
И шерсть, как колтун, и в ресницах – туман.
Но вот загорелась (как в пепле седом),
И искра расселась, пошла ходуном.
Расправила звонкие лепестки,
Сторонкой, сторонкой – движенье руки.
Палёным запахло, мне шкуру – не жаль.
Чтоб сердце не чахло в студёный февраль.
Чтоб ты возвратился. Чтоб ты полюбил.
Чтоб сладко взмолился. Чтоб сына не бил.
Чтоб деньги водились в нашем дому.
Чтоб дети родились в моём терему.
Чтоб я молодела на зависть другим.
Чтоб дело имела (и слава – не дым).

25. 7. 1942

* * *

Как на речках Мирке, Четвертинке
Затрещал полночный ледоход.
А во рту ни маковой росинки –
Сколько суток на пути вперед.
Сердце плачет бедной незнакомки.
Путь далёк, а ночь страшна, страшна,
Хрип коней, обрезаны постромки,
Мост сорвался и взошла луна.
Мы доедем, долетим до князя.
Платье разорвалось на плечах.
Щукою, плотвой, ловчее язя
Я плыву к тебе сквозь ночь и страх.
Слышишь ли, далёкий, заболевший,
(Головой в подушках – утонул),
Может быть, бессонный, непоевший,
Положивший часики на стул.
Я к тебе, родной, не опоздаю.
К изголовью тихо подойду:
Вдруг устану, громко зарыдаю,
Радостью последней изойду.

28. 6. 1942

* * *

Два года жили в Берне и без встречи.
Два года жили, словно бы вчерне.
Заранее я видела тот вечер,
Когда ты первый подойдешь ко мне.
Но гнулись плечи, но слабели плечи,
И счастье не являлось нам во сне.

На белом камне каждый путь отмечен.
Иван-Царевич, где твоя судьба?
Ты выбрал смерть. Святой водой излечен
Идешь ко мне, и я иду к тебе.

Наш правый путь прекрасен и извечен.
Как ты могуч. Я больше не слаба.
Ты был в бою, ты был в бою иссечен,
Но камень звал тебя к твоей судьбе.

29. 7. 1942

* * *

Но здесь и подсолнечник не вызревает,
Не то что за соломенным плетнём,
У нас на огороде. Умирает
Он под нежарким розовым лучом.

А там стоит и всё обозревает,
И солнце, позаботившись о нём,
Лучи с короною соединяет
И золотым любуется огнём.

А сердцевина бисером играет
И, поворачиваясь на восток,
Чернеет, понемногу загорает.

И гордость падает и умирает,
Как этот облетевший лепесток,
Что вновь осенний холод покрывает...

29. 7. 1942

* * *

Ты не любишь севера? Не надо.
(Я его любила с малых лет.)
Я согласна и на муки ада,
На его кровавый, душный свет.
Всё равно когда-нибудь да нужно
Привыкать к смоле, сковороде.
Лучше б рай: серебряный и вьюжный,
Колокольчик, слышимый везде.
И дуга, и зга, и санный, сонный
Снежный путь за счастьем и мечтой...
Пальмы, невысокие лимоны
И высокий гребень золотой.
Лучше бы - лиловые фиорды,
Саги и далёкие дымки
Ледоколов. И холодный, гордый
Зов страны, где стаями - волки.
Я умру, с тобой живя на юге,
Но умру счастливейшей из всех.
И на плечи ледяной подруге
Ты положишь жаркий белый мех.

29. 7. 1942

* * *

"Благослови же небеса,
Ты в первый раз одна с любимым".

А. Ахматова

Меня сегодня мучит только то,
Что Вы, быть может, не хотите снова
Открыть тетрадь, как карточку лото
И цифры все запомнить с полуслова.
Судьба в мешке тасует номера:
Вам – первый, мне – четвертый. Льются
строфы.
И вот, когда окончится игра,
Мы встретимся без всякой катастрофы.
Вы выиграли четвертую строку,
Я – первый ряд покрыла и в начале.
Холодным дулом гладя по виску,
Рог изобилия сегодня на причале.
О, сколько раз и денег, и стихов,
Счастливых чисел (а год-то високосный
Не за горами!). Из своих мехов
Я слышу голос скрипки той несносной:
"Благослови же небеса,
Ты в первый раз одна с любимым".
Пойдем гулять, ну хоть на полчаса, –
В игорном зале слишком много дыма.

5. 8. 1942

* * *

В октябре, во время войны,
В нашем городе, на заре,
Были радуги две видны
На прохладном на серебре.
Над вокзалом они взошли –
Отраженье одна другой.
Доходя вдали до земли
Семицветной своей дугой.
И исчезла моя печаль
На обычном моём пути.
Только дети бежали вдаль
И хотели сквозь них пройти.

5. 8. 1942

ВИКТОРИЯ-РЕГИЯ

"И стихов моих белая стая"

А. Ахматова

В ботаническом садике, что под мостом,
В страшный дождь, этим летом, в Берне,
Расцвели ослепительно вверх, над
листом...
Всех - одиннадцать. И суеверней
Не была никогда под зонтами толпа.
Вечер был, и чиркали спички.
"Я - прекрасна, редка, равнодушна,
слепа.
Бросьте ваши смешные привычки.
Я цвету, я - судьба, я - чудесный
цветок,
Я завяну, сломаюсь, сникну.
Подходи, ты сегодня совсем не жесток! -
Я перилам уверенно крикну".
И тогда на мосту остановится он,
И, глаза опуская, заметит:
Малый дом из стекла и серебряный сон,
Что ему из-за стёкол засветит. -
Для петлицы велик этот белый цветок,
А для чаши - он слишком распахнут.
Засушить бы в страницах такой лепесток,
Пусть стихи её инеем пахнут.
Но победа сверкнула, как злая змея,
На стебле, на хвосте вырастая.
- Я с тобой говорю, я - влюблённая, я,
Я - цветов твоих белая стая.

Брось стихи, брось мечты, брось другие
цветы.
Я совсем - не вечна, я - не чудо.
Я забыла уже и где я, и где ты,
Я цвету из-под век, из-под спуда
Долгих лет. Для тебя я сейчас расцвела.
Не зевай, пресыщенный прохожий.
Я такая сегодня, сегодня была,
Завтра стану совсем непохожей.
И увидишь ты только у берега лист,
На воде успокоенный снова.
Что ж, стихи напиши про змеиный про
свист.
Муза только зевнёт и - готова.

5. 8. 1942

* * *

"Пароход идёт, Анюта,
Сирень цветёт".

Песня

Идёт наша улица под горку,
Сбиваются о камни каблуки.
Придерживай крахмальную оборку,
Ступай на деревянные мостки.
Соседки занавески подымают,
Калиточки от зависти скрипят,
Да счастье, моё счастье не замают -
Оно прекрасно с головы до пят.
Пускай, пускай себе скрипят калитки,
Река-то судоходна, широка,
А на полученной на днях открытке -
Целуются два нежных голубка.
И много у меня таких открыток,
Я их расположила веерком:
Для памяти, что розовый напиток,
Пусть в горлышке всегда тяжёлый ком.
Две ручки пожимаются открыто,
На каждой - золочёный перстенёк,
Веночком незабудок перевито,
Видение: весёлый паренёк.
Сирень цветёт втайне, за частоколом,
И первый пароход вдали бежит,
О кавалере самом развесёлом
Мне память непрестанно ворожит.
Ах, белая открытая каюта!
Ах, алой занавески лепесток!
Ах, дорога мне каждая минута!

Ах, как мой милый нежен и жесток!
Какие там возможны нам преграды,
Когда прошёл, не в марте ль, ледоход?
Какие там разлады и распады,
Когда мы оба смотрим на восход?
Идет наша улица под горку,
Гребёнки мои в косах высоки,
Он обещал на Красную на Горку
Мне протянуть две сильные руки.

5. 8. 1942

* * *

Вокруг на стенах – розоватый крап.
Сова из лап не выпускает книгу.
Хрустальный шар, из горла вынут кляп,
Подходит жизнь к обещанному мигу.
Смотри и верь, не тут ли проверять
По гуще, по ладони. Где твой почерк?
Где детская забытая тетрадь
И надпись на верху поспешных строчек?
И этот крест, где наконец судьба
Соединяется, и так упрямо,
С двойною жизнью. Ты больна, слаба,
Но мысли – вверх и очень, очень прямо.
Ладони розовеют, кровь сильна.
Зачем терзаться? Пустяки, не стоит.
Взойдёт луна, придёт ещё весна,
И Марс с Венерою дела устроят.

8. 8. 1942

* * *

Это я – твоя чёрная Леда,
Это я – твоя непоседа,
Это я – твоя костоеда.
Где твой нежный и лёгкий смех?
Где утеха из всех утех?
Так рисует только Палех:
Тоньше, чем японцы,
Иконочки и донце,
Шкатулочки, где солнце
Восходит хризантемой.
Присядь за этой темой –
Над первою поэмой:
Равноапостольный и говорящий
На двунадесяти языках,
Бодрствующий, разящий
Всех двуликих пикой.
Да не Георгий, да не Владимир
Палех ещё не вымер.
По чёрному лаку
Вступает в драку –
Переводная картинка.
– Не убивай меня, сокол, –
Володимерец окал.
И вышла – заминка.
Нимб по плечи
Во время сечи.
Собрано вече,
Марфа – далече.
Да как ни разрисовывай,
Да как ни расписывай,
Как ни нанизывай,
Как ни освистывай...

Новгород тоже наш.
(Податься ему куда ж?)
А за ним и псковичи,
Вятичи и кривичи
Кучкой, даже, - москвичи.
Вот возьми - изобрази.
Дело нынче на мази.
Вывози мои стези
И у правого плеча
Нарисуй не москвича,
А голубку - сгоряча.
Вот - готово,
Право слово,
Хоть на выставку в Париж.
Полюбуйся же, любитель,
Мой хулитель-осквернитель,
Мой искусник, мой вертиж.
Краски словно на витраже.
Ярче, чем бывают даже
В радужном весёлом кряже.
Это мой подарок, княже.
Это мой приварок, княже,
Без помарок вышел, глаже,
Чем бывает при продаже.
Ты - творец, а я - рабочий,
Пусть стоочий и полночий,
Пусть лишённый полномочий
Забастовщик. Ты же - зодчий...
Я с тобой мирюсь сегодня.
Милость велика Господня.
Пусть сегодня - преисподня
Мне за то, что этот труд
Я когда-то проклинала.
Ты диктуешь - я писала.
(От конца и до начала -
Ничего не понимала.)

Ты ваятель тронул глину
И сказал: я очи выну,
И уста, и грудь, и плечи –
Вот и я пришла на вече.
Поклонилась лбом до полу,
До расшитого подолу.
Бабье дело – очи долу...

14. 8. 1942

* * *

Сегодня бери – сады Семирамиды.
С террас парламента ты видишь всё.
Я забываю здесь свои обиды,
За мною здесь стоит крыло твоё.
Летят сады. Их семь? Гораздо больше.
Альпийских роз – цветенье, что огонь.
И пальцы веерами веют дольше,
Чем длится жар, и – холодна ладонь.
Её я прижимаю твёрдо, нежно,
К своей щеке и думаю и жду.
Здесь нет загадок. Я была прилежной,
Я отдыхаю в городском саду.
Я одинока, но у каждой каждый
Есть свой обещанный, и он придет.
Сады не знают вечерами жажды
И семицветный, на весу, – полёт.
С той стороны земли наверно тоже
Сегодня радуга, как полукруг.
Святой угодниче. О, милосердный Боже,
Пусть обернётся, на мгновенье, друг.

13. 8. 1942

КРУЖЕВА

Кружева мои - коклюшечки,
На высокой на подушечке.
Кружева мои - булавочки,
На подушке пестроглавочки.
Чтоб невесте кружевцо - на крыльцо,
Чтоб невесте на лицо - кружевцо,
Чтобы сквозь кружевцо кольцо
Пробиралось к лицу,
Продиралось к концу.
Слёзы - жалость по кружевцу...
Коклюшечки, танцуйте до зари.
Сюда - пяток, сюда - не две, а три.
Смотри, как терпелива я, смотри...
Мне б самой кружева на грудь,
Мне б самой подошёл кто-нибудь.
Мне б самой кружевнице: забудь.
Да память за работой кропотлива,
Да сердце за работой не болит.
И вижу я обещанное диво,
Что кружева на сердце опалит.
Из Малиня - кружева,
Из-под Киева,
Звонче, чем твоя трава,
Степь Батыева.

Да на петельку

Да на ветелку.

Ты виси, виси, качайся,
Май повешенный.
Сердце, бейся, разрывайся,
Как у бешеной.

. . . .
Кружева мои – узоры.
Рвут с зарёю кружева.
Гаснут свечи, тухнут взоры,
Молодая чуть жива.
Отласкает, отцелует,
Отмилует, а едва –
Снова сердце затоскует,
Дочку спрячешь в кружева.
Кружева мои брюссельские,
Кружева из Брюгге,
Рвут подружки царскосельские
На подруге.
В кружевах своих истлели,
До постели не дошли.
Кружева мои – метели
На восточной на дали.
Ах, в гробу лежит в прошивках –
Не в старинных кружевах,
Не в запекшихся обрывках
Со штыками в головах...
Как на зимней на дороге –
Закружиться в феврале
И очнуться не в чертоге –
На счастливой на земле.
И такие заплести кружева,
И такие понести слова,
Чтоб пьяна была голова,
Чтоб тебе бы всё трын-трава...

17. 8. 1942

* * *

"Marionette, voulez-vous danser?
La musique va commencer".

Chanson

Я - кукла твоя. Из коробки
Вынимает меня рука.
Я шагаю робко за скобки,
А нитка - до потолка.
Всё пары: Король-Королева.
Изольда и с ней Тристан.
Шагают справа налево
Сибилла и Дориан.
Вот Фауст и Маргарита,
Ахматова-Гумилёв.
Марсианин и Аэлита
Сеточка и Улов.
Свеча с Мотыльком. Колодец
И с ним - Верёвка его.
Армия и Полководец.
Пасха и Рождество.
Блок, Прекрасная Дама.
Лира, на ней - Рука.
Режиссёр и Страшная Драма.
Револьвер и два Виска.
Сена и Незнакомка.
Лебедь и Андерсен.
Подол и по нём - Каёмка.
Свобода и Вечный Плен.

17. 8. 1942

* * *

Киевским крестиком, киевским швом...
Красный петух на дому неживом.
Чёрною ниткой пожарище шью.
Жёлтой – подсолнухи в синем раю.
Крестики, крестики... Сколько крестов!
Шире рубахи – венчик листов.
Чёрное море – ширь рукава,
Пояс. А талия, что голова.
Мы ведь такие... Язык доведёт
Нас и до Киева, и до ворот.
Скажем: здорово, и нынче, сынку.
Я породила такую тоску.
Что ж для полячки ты мне изменил?
Я породила, ты же убил.
Серьги продену для смеха в ушко,
Больно хорош, залетел высоко.
Жовто-блакитный за Киевом луг.
Вышитый ворот и в просе сам – друг.
Это крапива. Это полынь.
Вот – колокольчик. Бубенчик – динь,
динь.
Здравствуй – кургану. Здравствуй –
тебе.
Здравствуй – дурману. Любви и Судьбе.
Здравствуй, ответишь, моя белена.
Здравствуй, мой чоберец, здравствуй,
трава.
Здравствуй, дорога на Богуслав.
Кто оказался, всё-таки, прав?

17. 8. 1942

* * *

"Она никуда не годилась".
(Заглавие рассказа Андерсена)

Никому, никогда не годилась.
Прачка сына любила, молилась.
Угодила спьяна под лёд.
Дъявол душу её заберёт.
Сын владельца этих хором
Не услышал февральский гром.
(Помнишь в Берне: зимой - гроза?
В сорок втором? Ты отвёл глаза)
Много было всяких примет,
Вех, тропинок, дорожек, мет.
Не годилась такая я.
Разделилась ещё семья.
Слышишь, прачка стучит вальком.
Кровь звенит голубым виском.
На руке часы - комары,
Капли крана - до той поры.
Половицы скрипят и шкаф:
Ты не прав, ты не прав, не прав.
Этот ужас и этот зной
Называются тишиной.
Над собором птицы кружат,
Под забором щенки визжат.
Одиночество. Тишина.
Прачка молится у окна.
Может быть и я пригожусь,
Отвлеку твою, барин, грусть.
Фрёкен, милая, о, вернись,
Потихоньку ко мне подымись.
Сани ждут у самых ворот.

И не треснет в канале лёд.
Лебедь выгнулся на санях,
Как сирена на кораблях.
Королева Зима везёт,
Роза даже на льду цветет.
И я слово сложу во сне,
На снегу, на белой стене.

17. 8. 1942

ПОЭТ, ИЗДАТЕЛЬ, ЗВЕЗДОЧЁТ И МУЗА

Издатель:

Бумага нынче очень дорога –
Не подступись. Опять же и цензура.
И кто теперь стихи читать захочет,
При том же русские? Вы посудите сами.
Но издавать, конечно, что-то нужно.
Мы ведь живем в великую эпоху.
Не надо, чтоб потомки говорили
Про нас, что отразить мы не сумели,
Что не освоили такой момент.
Не оценили этой катаклизмы.
Ну, как, поэт, что пишется у вас?
Вы, кажется, немного приуныли.

Поэт:

Не пишется, не спится. Надоело.
Я так устал, что даже и похвал
Не ждёт моё ответственное дело...
Я не писал. Я только вспоминал...
Я знаю всё, но память изменяет.
И русский изменяет мне язык.
Французский – легче, мысли заменяет,
И изъясняться я на нём привык.

Издатель:

Стыдитесь! Что потомки ваши скажут?
Что эмиграция пожрала вас?
Саводника купите, Даля. Подпишитесь
В библиотеку Цюриха скорей.

Поэт:

Любительство. Искусственный язык.

Я послужу, быть может, лучше Музе.
Переводить я с русского привык,
И с Музой я почти всегда в союзе.
Она надменна и, порой, - глупа.
Но что же делать? Музу обуздаю.
Я потружусь для скрипок, ритмов, па.
Как говорится, будет дар Валдаю.
К тому же, переводчики стихов -
Соперники порой поэтам.
Ахматова жалела, что мехов
Касаюсь я и грею даже летом...

Издатель:

Что - лирика опять? Хе-хе... Как встарь?
Ну, в добрый час. Но я предупреждаю,
Что много Вам платить я не смогу.
К тому же Вы работаете где-то,
И, как всегда благополучны Вы.

Муза:

"Mon ombre y resta
Pour y languir toujours..."
Женева. И с моста
Я вижу vos amours.
. . . .

18. 8. 1942

БАЛЛАДА

Во время оно в Берне жил
Красавец юный – Богумил.
Он был с балкон, он был высок.
Смотрел с тоскою на восток.
Но у собора как-то раз
Он встретил взгляд таких же глаз,
Как те, что там оставил он,
Для чуждых гор, что как заслон.
– А я Людмила. Добры дан.
Ты мне сегодня Богом дан. –
Вот вся баллада, весь рассказ.
Две пары рук. Две пары глаз.

18. 8. 1942

АКРОСТИХ

Но сероглазый сон стоит в алькове.
И мне мерещится, что Алладин
Кровавой лампой освещает внове
Огромные сокровища один.
Ликуют лаллы и горят гранаты,
Ах, кто оденет этот изумруд?
И кто с тобой в подземные палаты
Идёт, таясь, среди червонных груд?
Аркадами подземными подходит,
Ласкает драгоценности и ждёт?
Люби меня, подарок мне подходит,
А то кольцо тебе не подойдёт?

18. 8. 1942

* * *

Они сошлись. Волна и камень,
Стихи и проза, лёд и пламень -
Не столь различны меж собой.
Сперва взаимной разнотой
Они друг другу были скучны.
Потом понравились, потом
Съезжались каждый день верхом.
И вскоре стали - неразлучны.

Пушкин

Так - нельзя. А можно ли этак?
"Ты всё пела?" Пойди, попляши.
Сколько я оставлял заметок
На полях полевой души,
Ты не слушалась, не исправлялась.
Что же делать сегодня с тобой?
Это - осень, осенняя жалость,
Бабье лето и сон голубой.
Паутина летит, приставая
К жарким, жарким плечам и ко лбу.
Ты ещё и сегодня живая?
Лодка к берегу. Я гребу.
Ничего, будет скучно - вначале.
Вёсла путаются в огне.
И кувшинка стоит на причале
На стебле, словно якорь на дне.
Это ряска плывёт на глади,
И ныряют жуки-плавуны.
Это - озеро, Бога ради, -
Это явь, а не прежние сны.

Это лес, и прямым пробором
Хвойный путь рассекает его.
Этот лес называется бором,
Он как храм и как торжество.
Он разобран тропинками тоже
Весь по рёбрышкам, и бренча,
Здесь с запинками, осторожно
К нам подходит вода ручья.
Мы из лодки выйдем и прямо
Тем упругим пойдём путём.
Там за лесом старинный замок,
Водомёт, Водолей, водоём.
Гид наденет манжеты важно
И опустит подъёмный мост.
Сувениры получит каждый:
Рюмка – замок – карлика рост.
Ты на башне на этой пела.
Ты всё пела, плела косу.
Винограда лоза поспела
И стоит почти на весу.
Ты вернулась, и в зале этом
Пропляши полонез со мной.
Это – осень и бабье лето,
Холодок, тишина, покой.

18. 8. 1942

* * *

"Озеро, Облако, Башня".

Чёртов боб, бешеная вишня,
Волчья ягода, огурец,
Тоже бешеный. Это излишне
Вам повторять без конца, наконец.
Таково меню в старинном замке.
Ровно в полночь (часы хрипят)
Чёрная месса. Шахматы, дамки.
Калиостро играет семь раз подряд.
- Хотите с Вами сражусь, Король?
За Вашими плечами Королева.
Вам не везёт. Возьмите перец, соль
И двигайте фигуры сперва влево.
Я прячу счастье походя в рукав -
А музыкальный ящик под подушкой
Ручьём забулькал: ах, неправ,
неправ. . .
Она фигуру спрятала за душкой.
Она тебе привычно помогла,
Как некогда ещё - Екатериной.
- Играйте, Ваша светлость, -
бра зажгла.
Улыбкой усмехнулась, томной, длинной.
Перехитрим при русском, при дворе.
Мы восковых персон уже видали.
Мы в бархате и старом серебре
Плывём в гробах из македонской дали.
Играем. Шах. Персидская резьба.
Играем. Мат. И матовый румянец
Она зажгла чуть-чуть пониже лба.
И удивился даже иностранец.

Смотрите – дикари, а как чудны,
А женщины у них и впрямь прелестны.
Фигуру в ящик – прямо с вышины.
– Нам это очень, очень, очень лестно.
О, я дла вас, конечно, воскрешу
Былое здешнее великолепье.
Идёмте в парк, я милости прошу.
Фонтан поёт. А счастье не ослепнет.
Забудьте мужа. Повторяйте здесь:
Vive le Roy, над мёртвым и беднейшим.
О, я всегда для вас. Для вас – я весь.
Я вас озолочу ещё в дальнейшем.
Она, в фонтане руку утопив,
Глядит вперёд и вдруг легко толкнула.
Ах, в чайной ложке, он уже не жив,
Он захлебнулся, не сойдя со стула.
Живой воды, побольше чайных роз.
Рассвет встаёт, и чай поёт китайский.
Вам чёрный хлеб, Король, и на поднос
Нектар мне дайте, самый райский.

20. 8. 1942

* * *

"Ich weiß nicht,
Was soll es bedeuten,
Daß ich so traurig bin"

Heine

Тебе хорошо: твои косы желты,
Как клей, и скрепляют сердца и скалы.
О, Лорелей, печальная ты -
Многого хочешь, а надо бы - мало.
Все Нибелунги к тебе подплывут,
Все капитаны, юнги, матросы.
Гребень из рук твоих тяжких возьмут,
Нежно расчешут тяжёлые косы.
В детстве, в гимназии - гребень в
руке.
Был он казённый, Тавро-Лорелея -
Волосы рвал на затылке, виске,
Не украшая и не лелея.

20. 8. 1942

* * *

"Он взыграл веселья полный
И в объятия свои
Набегающие волны
Принял с ропотом любви".
Лермонтов

Набегающие ритмы,
Охлаждающие битвы,
Все неслёзные молитвы,
И итоги всей
Волны, зыбь, и рябь, и струи.
Только всё – не поцелуи.
В русло Терека впадаю,
Чуть звеню, но не рыдаю.
"Набегающие волны. . .
Он взыграл веселья полный".
Принял с ропотом любовным,
Серым стал, холодным, ровным.

20. 8. 1942

* * *

"Сам Кудеяр из-под Киева
Выкрал девицу-красу"
Песня

Выкрал - не выкрал, волей - неволей,
Только с тех пор в пещерах жила
И над своею, над бабьею долей
Горькие слёзы ночами лила.
Днём забывала (ночью - набеги).
Сына растила, княжна - не княжна.
Эх, Соловки, мои белые снеги,
Всех убаюкает их тишина.
Стал он мечтать (это признак болезни),
Стал на иконы молиться порой.
Камни с икон-то давно пооблезли -
Руки по локоть в зёрна зарой. . . -
Ах, как прохладны бурлицкие зёрна,
А изумруды-рубины теплы.
Персией в грудь бирюзою узорной
Плещется, а Янтарь, что смолы.
Всё он молился за убиенных,
За ослеплённых, за брошенных жён.
С голоду-холоду умерших пленных,
Тех, что попёрли ему на рожон.
Даже не знал, что белобандиты,
Урки, попы или профессора
Снегом таким же будут покрыты,
Будут трудиться - молиться с утра.
Бросил жену. Не впервой. - Напоследок
Сына, как старец, перекрестил.
Песня поётся про чаек - наседок.
Про Таганрог, где он жил и простил.

24. 8. 1942

СЕНТЯБРЬ

Это шорох моих стихов,
И дыханье моих духов,
Вороха листвы у оконницы.
Ты не спишь, но уже задремал,
Ты меня проморгал, прозевал
И уже не боишься бессонницы.
Я пою тебе в сером дожде,
И в фонтане, и в кране, везде –
Нет на свете такой поклонницы.
Спи, мой милый, ты так устал,
Даже книжку перелистал,
На страницах ища приписочки,
Дочитал, досмекнул до конца,
И слетели на пол два гонца –
Светло-серые эти записочки.
Кто сидел за моим столом?
Кто моим оттолкнулся крылом?
Кто касался узорной мисочки?
Это я у тебя была?
Посидела опять у стола,
Эту сказку тебе навеяла.
И вошла моя сказка в сон,
И качнулся сон в унисон.
Я ушла, свои звёзды посеяла...

25. 8. 1942

* * *

Это вам не Минин и Пожарский -
Это есть Аскольдова могила.
Не мясничий двор и не боярский -
Здесь легла подкиевская сила.
Город Канев. Эх, Тарас Шевченко,
Слышишь ли меня? И молвит: слышу,
Казаченьку, где ты, казаченько?
Я не вижу, выхожу на крышу.
Что клубится по дороге дальней?
Колобок, ушёл он от медведя,
Василёк повылинял печальный.
Привереда, едя - недоедя.
Ухо приложил к земле: не слышу
Трепет наших флагов по над Доном.
На Памира северную крышу
Вышла я и жду тебя поклоном.
Марево в ночах, струится, льётся,
Заслонилась слабою ладонью.
Едет, едет, бубенец смеётся.
Ты не спи на солнце, доню, доню.

26. 8. 1942

* * *

В том месте, где чреда царей
Оборвалась на Николае Втором,
Возобновим, как можно поскорей,
Заклеим, как смолой, своим позором.
Скуём. И выйдет Первый Николай
Из рода Рюриковичей–Святополков.
Какой он Мирский? Польша, не пылай,
Не возбуждай в Европе лишних толков.
Хоробрый насмутьянил Болеслав
И так у нас достаточно в столице.
Был предок – горд, бесстрашен и неправ,
Потомок нам воздаст за то сторицей.
Был первый царь Романов – Михаил
(Последний звался тоже Михаилом).
А сын его, Тишайший, всё молил
За отрока Алёшу. Был он милым.
Скончался только в малом городке.
Не в Бозе умер, не в Абастумане,
Не в оренбургском пуховом платке,
Не в южном перламутровом тумане.
Так триста лет и три ещё годка
Перекликалась матушка Россия
С дремучей Русью. Даже не века
Прошли с тех пор – лишь четверть... а
лихие
Года достались нам, тебе и мне.
Что крови иностранной в наших жилах!
Я пальцем написала на стене:
О смерти помни и живи в могилах.
Равноапостольный тебя благословил,
И сын твой идолов из душ изгонит.
Не хватит сил? Нет, хватит даже сил,

А мудрость даже старость не затронет.
И храм святой в Царьграде отопрём –
Не быть ему мечетью и музеем.
Всех подопрём и лбом своим упрём,
Мы ожерелье янтарём заклеим.

26. 8. 1942

* * *

Это осень, сокрушаясь, шарит,
В дачных чемоданах розу ищет,
Городскую розу снова дарит,
Замшевую розу тучей прыщет.
Тёмно-красная, духами роза
Нежно и беспомощно запахнет.
Без шипов она и ждет мороза,
Пусть мороз над нею только ахнет.
Хороша, так звёздами засыплем,
Что роса! Снежинки – в сердцевинку
Мы аперитив с тобою выпьем,
Смешанный с другим наполовинку.
– Вы прекрасны, а душа – славянка.
Вы печальны, а душа – вампира. . .
Нет, меня трепала лихоманка,
Я не создаю себе кумира.
Я устала от труда в конторе,
Я хотела б позже подыматься,
С милым другом я сегодня в ссоре,
В чём не смею даже сомневаться.
И война мне сердце беспокоит,
Отступают наши на Кавказе.
Кто купоны на пальто устроит
И ошибки выправит в рассказе?
И в семье не всё благополучно,

И худею я, болит головка.
Мне сегодня просто очень скучно,
И не веселит меня обновка.
Я себе купила одеяло
Серо-голубое, трафаретом
Лже-восточным. Заплатила мало,
Буду спать под ним зимой и летом.
Кто под ним приснится – будет первым,
Если даже поневоле.
Уходите, это просто нервы,
Я боюсь лишь холода и моли.

26. 8. 1942

* * *

Мы трогаем камень нагретый
За солнечный день. А к утру
Волшебное горло поэта
Что ночью под стать серебру,
Чуть дышит. . . А как же стонало
И плакало в полночь оно!
И где его нежное жало,
И мёд, и любовь, и вино?
Оно холодеет, как мрамор
Каррарский, но сердце чуть-чуть
Ещё отдаётся упрямо,
Заняв облегчённую грудь.
И в твёрдых ладонях, где жилки,
Как те, что проводит апрель,
Как будто бы шорох копилки
Мой вклад принимающей в щель.

28. 8. 1942

* * *

Не титло, только тавро
(Лишь бы узнали в стаде).
Белая масть - серебро.
Кто такого погладит?
Титло - минус - вершок.
Притолока над головкой.
Вниз ушёл корешок -
Ей подрастать неловко.
Стать, а какая масть?
Бог его знает - рысистый.
Как бы не перестать
Этой породе чистой.
Древнеславянская вязь,
А заголовки - алы.
Буковка, не безобразь,
Стань на дорожки-шпалы.
Стань на свою колею
И не бойся традиций.
Я для тебя отолью
Гранку на полстраницы.
Буки и аз, ба.
Чёлка пойдёт на кисти.
Словно течёт резьба -
Конь-то ведь был рысистый.
Кто его забраковал,
Кто его в ночь заездил?
Кто не стреножил, а звал
Звёздочку из созвездий?

28. 8. 1942

* * *

Всё сложено из двух половин.
Только я – одна, только ты – один.
И проклятье королевиных уст:
– Вы не правы, Saint Juste!
Кто объедет со мной межи,
Все границы и рубежи?
Кто родную землю со мной
Обведёт нерушимой каймой?
Днём то будет или в ночи?
– Все города – на ключи!
Все ключи – в ларцы,
Все ларцы, как концы –
В воду! Храни, Кощей,
Среди прочих костей и вещей –
Будет рядом со мной – вороной
Конь иль белый, как снег с зарёй?
Или просто – мы на волке
Будем мчать совсем налегке?
Ты не прав, ты не прав, Святополк. . .
Вот зарыскал нестрашный волк.
Вот он Красную Шапочку взял,
Вот он горе её принял.
Вот он ей помог, как смог.
Вот и бабушкин там порог.
А охотник прошёл стороной,
И олень у него – за спиной.
Я потери тебе возвращу,
Я былое тебе возмещу.
А себя я тебе не дам.
Я – находка. Значит – не Вам.
У локтя повяжу платок,
Чтоб служить мне, как прежде, мог.

Чтобы с розой моей у лат
Не ступил бы первый на плат.
Рыцарь, рыцарь, дракон – вблизи.
Ты мне крылышко привези. . .
И проходит много веков.
Трубы трубят. Не на волков.
Мы опустим подъёмный мост.
– Вот крыло и впридачу хвост!
О, прекрасная дама моя,
Всюду ширится слава твоя.
Я в Крестовых походах был,
Кораблями к Царьграду плыл.
Я неверных толок, как мог.
Будь женой моей. С нами Бог! –
Рыцарь, рыцарь, благодарю.
Я тебя награжу, одарю.
Я поместья и замки дам,
Я тебя никогда не предам.
Только – это не то крыло.
Это – правое: значит – зло.
И к чему мне хвост–помело?
Мне и с веером – не тепло. –
Ах, разбойник, ах, князь, ах, граф.
Вы не правы, и ты – не прав.

1. 9. 1942

* * *

Вы были в Лувре? Победа - прекрасна.
Крылья закинуты. Но головы -
Нет. Потеряна. Ангел несчастный
Скорбно встречает. . . . .
Пиррова участь тоже ужасной
И чудной была.
Сфинкс сохранился, не зная, не мучась,
Смотрит он тысячи лет из угла.
Розовый мрамор, что выщерблен ветром
Только на лапе и с краю - чуть-чуть.
Будем в Египте мы вечером, летом
Между горбами усталая чудь.
Ходят экскурсии. Юный профессор
Ряд дискоболов им указал.
Гроб и монахи, под капюшоном
Лиц не творили, и он показал.
Я посмотрела. Сказала, что лица
Есть у монахов. Профессор смолчал.
Вазы при входе, как телефоны.
Ты меня тихо окликнул?
Кошка зелёная, хвостик на лапы.
Длинная шея. Молчи, о, молчи!
Помню, как дождик на женщину капал.
Длинную, ту, что скрестила мечи.
О, Нефертити, в могилах, могилах
Писем никто ещё не получал.
Я получила, гнила, но как сила,
Голос меня у дверей поучал.
Встань! И я встала. Я - дочь Чаира.
Только страданье искупит грехи.
Только любовь всего мира и к миру.
Слово Господне, наука, стихи.

Верь мне. Не бойся пророка сегодня.
Хочешь лезгинку? А коло – гавот?
А казачка? А пляски народной
Гордой мазурки: вперёд да вперёд...
И на колено. А хочешь Беседу
Чешскую слушай, задумчивый пан.
Мы в полонезе – дармезе. Я еду.
Я настигаю разбойничий стан.
Всё это лишь какофония, друже.
Я – командирица, знаю вперёд,
Что Вам завет–завещание нужен,
А не мазурка – лезгинка – гавот.
Будет и это. Спасибо, что знаешь,
Что к одиночеству мне привыкать
Было легко (Не легко). Ты узнаешь,
Как меня нужно по свету искать.
Ну, до свиданья, молись Борису,
Что Святополком был нынче убит.
Ждала на вокзале. (Немножечко – рису,
А на стене – Берн. Бернграбена вид/
То есть, Крамчассе снизу до верху.
Помнишь, с тобою мы улицей шли.
Тебе не до смеху: но эту помеху
Мы не убрали – остались в ночи.

7. 9. 1942

* * *

Победа смотрит серыми глазами,
Измена – жёлтыми – вишнёвый клей.
А я смотрю, как жизнь. Слежу за Вами
В аркадах распустившихся аллей.
А небо видит синими глазами,
Зелёными – морская глубина,
А слепота – усталыми белками,
Где все цвета и пожеланье сна.

22. 9. 1942

* * *

О, ангел мой, не спорь и лишь последуй,
Хоть – замирись (до мира – далеко).
Я прихожу ещё – не за победой
(Быть героиней сладко и легко).
О, ангел мой, прекрасны дщери мира.
Я – не из них. В соблазн не возведя,
Я говорю тебе, что нынче лира –
Что струи неподвижного дождя.
Так выше крылья! О, сомкни их тесно
Над самой головою, как – одно.
О, ангел мой, упрямый и прелестный,
Я без тебя иду, как ключ, на дно.

22. 9. 1942

* * *

По деревням балканским спят ведьмячки,
В нетёсаных гробах, а губы – кровь.
Что, милые, родимые землячки,
Разворошили ваш озимый кров?
Кол не осиновый, а просто кол – и в спину
Вам забивают: больше не вставай!
Перекрещусь, из раны гвозди выну,
Бегите вниз, спасайте этот край.
И ранним утром, в холодке осеннем,
Вернётесь вы, без крови на устах.
Мы вас умоем, в белое оденем,
Уложим в гроб с иконкой в головах.

23. 9. 1942

* * *

Город каменный, солидный.
Провожатель мой завидный
Парень статный, парень видный.
По гостинному двору
Водит паву поутру,
Приглашает к серебру.
– Нам колечки позвончее,
Чтоб по гроб носить на шее!
Чтоб сердечки их слыхали,
Чтобы слёзы просыхали
В ночь весеннюю бессонну
От весёлого, от звону,
Чтобы паву при разлуке
Не смущал никто во скуке,
Чтобы чуял, что – чужая
(Ждёт иного урожая),
Чтоб, когда сойдёмся вместе,
Сладко стало бы невесте,
Чтоб сердца соприкоснулись,
Цепи белые сомкнулись.
За прилавком злая баба,
Словно заяц из ухаба,
Смотрит – колотая жаба,
Говорит в ответ слащаво:
Что за диво, слово право?
И тебе ли обручаться,
Коль навек пора прощаться?
Парень будто ты и путный,
Ветерочек твой попутный.
У тебя, небось, за морем
Есть жена, давай поспорим.

Так вальяжна, что под пару
Поддаёт где надо жару.
Ведь сюда назад дорожки –
Семивёрстные сапожки,
Нашей дуре дай серёжки,
Две жемчужные горошки.
Паруса твои порвутся,
Корабельщики собьются,
Волны вспять не повернутся.

12. 11. 1942

* * *

"Малиновка моя, не улетай,
Зачем тебе Алжир, зачем Китай?"
Г. Иванов

С швейцарской миссией уплыть –
В Шанхай, подальше всех Австралий.
Забыть себя и Вас забыть
На островах чудесных Бали.
Чуть, чуть глаза подрисовать
И белые цветы – к пробору.
И загореть. Не ждать, не звать.
Не верить звёздному узору.
Работать: англичан везти
В колонии, домой – французов.
Менять заложников. Спасти
В пожар, как можно больше грузов.
Купить японские стихи,
Китайского божка, что с рыбой.
Шелка легки, теплы, сухи,
И стать – Царевною Улыбой.
Там улыбаться суждено
И рикшам и последним гейшам.
И будет так заведено
У нас потом всегда в дальнейшем.
Восток сощурил длинный глаз,
Манит подальше – за жень-шенем.
Не совершай в степях намаз,
Мы вере предков не изменим.
Там тигры. Уссурийский край.
И царь зовётся Берендеем.

А где же был меж речек рай,
Чью память мы всегда лелеем?
За ним бы надо повернуть,
Вернуться нужно в общем даже.
Тут север Польши. Обогнуть –
Все рубежи, межи и кряжи.
О, речка Мирка, а другой
Я что-то здесь ещё не вижу.
Я спину изогну дугой,
Я прыгну, не возненавижу...
Как сладко, заключив контракт,
Его исполнить и вернуться.
Довольно дуться. Первый акт
Закончен. Можно улыбнуться.
Я научилась языкам
И сказкам самой первой ночи.
Мы миримся. И по рукам.
Нет больше слов, ни сил, ни мочи.

1942

* * *

Это было головокруженьем:
Окна замерцали, как вода,
Раздались аршины на сажени,
А углы исчезли без следа.
И на прежнем нашем огороде,
Видит Бог, века не политом,
Гряды продолжали в том же роде:
Каруселью, смерчем и винтом.
Каждая цвела хоть лебедою,
Каждая мечту произвела,
Одуванчики рвались ордою,
Ворохом перинного тепла.
Например, посеянная дедом,
Где-то у бассейна, резеда
Шевельнулась и кисейным бредом
Возместила некие года.
И в воронке ветренного мая,
Шутки ради что-то прополоть,
Это я прошла, глухонемая:
Не душа, не память и не плоть.
И как в зале отразилась слева,
На прозрачном воздухе - одна.
Мой двойник нездешнего посева,
Милый друг пророческого сна...
Что не ждёт уже довоплощенья,
Только теребит, не торопясь,
Наше неудачное срощенье,
Сквозь стихи затеянную связь.
И глазами упрекнула снова
За вот этот пышный огород,
Что цветёт почти что с полуслова,
Даром в стороне который год.

28. 5. 1945

* * *

Душа моя - моя кариатида,
Поддерживай последние года
Земных страстей. Последняя обида
О грудь твою разбита, как всегда.

Вот так и в европейском захолустьи,
В каком-то переулке, в уголке,
Стоит фасад необветшалой грусти
И дверь крепка, и статуя - в венке.

И каменные голубые руки,
Что как кораблик подняли балкон,
Хранят навеки тишину и муки
И двадцать чисто вымытых окон.

Ещё какое-то тепло укрыла
Она и здесь, за каменным плечом,
Она глаза свои полузакрыла
И тщетно ждёт хозяина с ключом.

Душа моя, в моём уединеньи,
Случайной тени этого жилья,
Я не гляжу на мокрые ступени,
Не жду гостей и не скучаю я.

Ты примешь за меня освобожденье,
Судьбу и смерть, когда они придут.
И листьев небывалое круженье.
И блеск в дверях на несколько минут.

1953

* * *

Как раскольничек, ландыш в лесу
Заплутался и в правде Божьей.
Я его подержу навесу,
Чтоб избавить от росной дрожи.
Тлеют листья, стоит парок,
Глина блещет путём улитки,
Исполняет солнце зарок
И сучит золотые нитки.
Как черница, прихмурен лес
И узор накинул на пяльца,
Начинай же шитьё с небес
Мановеньем затекшего пальца.
Мимо, мимо. Я в скит стучусь –
Позамшели его ворота.
Я как оборотень мечусь,
Становлюсь и ни сё, ни то-то:
Треугольничком мотылька
С ясным оком на сером фоне,
На коре, трепеща слегка
(Словно лилия на плафоне).
И раскольничком, и мечтой,
Что прикрыта платом чернички,
И узором, где сна застой,
Стойким усиком землянички.
Скит. А скит он не спит, таит
Что-то жаркое и живое.
Я приметы открыла, скит,
В каждой веточке и завое.
Воедино, когда снесу,
Как валежник, эти приметы,
Бог поддержит меня навесу
И от слёз отряхнет за это.

21. 4. 1961

Посвящается Жене и Чарли Тиммер

Вдоль мостиков перед нами,
Кругами и – по рядам
Лежит в серебряной раме
Отчётливый Амстердам.

Каналы гибки что ленты,
А башни как всплески рук,
Солидные позументы
Обёрнуты круг на круг.

Почти что, что по спирали
(Водяной, кирпичной, иной...)
Мы душу тут ободряли
Взлететь над тобою и мной.

Ведь на фасадах: то лебедь,
То якорь, а то – труба...
На невысоком небе
Живопись чуть груба.

Чуть вещна и – приоткрыта.
Вот – стрелка луча и – рай.
Всё ясно (не шито-крыто):
Сядь, отдыхай, выбирай.

В небе лебёдки, краны
Свозят в углы ледок.
Ржавые здесь тюльпаны:
Траурный ободок.

Но не будем же отвлекаться
Реминисценцией тут,
Будем в рай подыматься,
Что недалёк, но крут.

Тень на тень исполина,
Кошачий фас царя,
Рембрандт обжигает спину
Стёклышком фонаря.

И в розовые ворота,
В эту дельфтскую синь,
Ты входишь (не ты, а кто-то)
И видишь, куда ни кинь:

Польдеры со стадами,
Призраки кораблей,
С небеснейшем Амстердаме
От памяти обомлей.

Над голубою печкой,
Что в детстве твоём была
(Киевское крылечко
Сгорело давно до тла,

Того самого года,
Когда отплывала земля).
Тюльпанчик - колпак урода,
Цвёл, лепестки шевеля.

Вот, что видно из рая
В путешествии, по пути.
В апреле. Чуть выгорая,
Крыло начинает расти.

Хлещет, как дождь, почему-то
Над Голландией Анны Франк.
Дорожи, сирота, минутой,
Чернила бери из ран.

Над облаками - фасадом
Ступенчатым (кружева!),
Душа, не считай, что адом
Всё было, чем ты - жива.

16. 4. 1961

* * *

Бродит дрёма
Возле дома...

(Из песни)

Братец Дрёмушка, сестрица Алёнушка
Сели в лесу около пёнышка.

Стоит копытце – полно водицы.
– Алёнушка, я хочу напиться. –

– Не пей, ты станешь белым оленем,
Меня забудешь утром осенним... –

Алеет брусника, густа черника.
Судьба таинственна и двулика.

– Не пей. Подожди. Есть дворец за
лесом
И водомёты под навесом.

Там слуги в жупанах, как павлины,
И кубки из золочёной глины.

Крученый панич по стенам взбегает,
И каждый меня с тобою узнает.

Не пей, мой любимый, мой мухоморчик..
Но мимо да мимо её приговорчик.

И белый олень, сухостой ломая,
Бежит, не видя, не понимая.

. . . .

Асфальт от жары растопился липко.
Поёт в ресторане нежная скрипка.

– О, где ты, о, где ты, мой братец
древний?
Я все исходила земли, деревни.

И мой каблучок на асфальте черном
Оставил следы – не задёрнешь дёрном.

Глаза у меня, как тогда, оленьи,
Да ты-то полон скуки и лени.

Меня не помнишь, меня не ищешь.
Зачем тогда ты по свету рыщешь?

Живёшь ведь где-то, глядишь куда-то,
И мне дороже Дрёмушки-брата.

Я жду тебя, как дочь дровосека,
В хаосе самого злого века.

1966

ОДЕССКИЕ ВЗРЫВЫ (1918 года)

По небу ползла черепаха,
А может быть, странная туча.
Тогда мы смотрели без страха,
Хоть туча была неминуча.
Взрывались лиловые газы,
Смертельные, над облаками,
Дымком, приносящим заразы,
Искали газоны и скамьи.
Мы были детьми и смотрели,
И слушали: окна звенели,
Стекло разрезалось на трели,
Сияющие на панели.
Тогда в Александровском парке
Нас няни готовили к смерти.
Тот ветер, несильный и жаркий,
Несли черепахи и черти.
Мы выжили... Рассосалось
Над нами страшилище чада.
Мы выжили (жалость - не жалость?),
Но плачут помещичьи чада.
На рейде стоят пароходы,
Вверху Недреманное Око
Сквозь все облака и отходы
Взирает над садом и доком...
И позже, на ледоколе,
Уже покидая Одессу,
Мы помнили даже о школе
Сквозь розовую завесу...

15. 12. 1977

* * *

Из детской молитвы вылетел ангел.
Он бабочкой бился о зеркала...
Луна подымала оранжевый факел,
А звёзды спускались на купола...
Не те, что рубинами Кремль окружают,
Те звёзды мертвы... (Хотя – хороши),
А те, что дорогу вверху продолжают
Для космонавтов и – для души.
Молитва сверкала, и синие окна
Её отражали, как факел в ночи.
Молитвы свивались в такие волокна,
Что были остры, как мечи и лучи.

А детская комната пела, и снилось
Ей царство Пиноккио или – солдат.
Щелкунчик сдавался кому-то на милость,
Он – полон заплат, полосат и носат.
От одеяла взлетела молитва,
Со сложенных рук, с преклонённых
колен.
На пёстром ковре разгорается битва:
Убитые есть и – попавшие в плен.

2. 11. 1979

* * *

Провинция (какая? Всё равно.)
Давала бал - помещичий? Дворянский?
Летели кони в странное "давно",
Где фрески в залах и на стенах станцы.
Тут на эстраде занавес взошёл,
И местная красавица запела
О том, что смерть - спасение от зол,
Что у любви не видится предела.
Она (о, будто бы) бессонницей больна,
Она (о, будто бы) рыдает у скамейки,
Она зовёт и молится она,
У Клеопатры занимает змейки.
А в публике и шорох, и молва,
Язвительней улыбок не бывает:
Она - красавица, помолвлена она,
Кого же, бедная, напрасно призывает?
Да, у неё есть молодой жених,
Он знатен и богат (к тому ж и вправду
молод),
Во фраке, скромен, незаметен, тих,
Хотя в глазах его ревнивый холод.
Но самое ужасное, что ей
Другой, совсем другой сегодня мнится...
Она его не знает, он - изгой:
Онегин, ангел, голубая птица.

14. 11. 1979

* * *

Разлуки, расстоянья, разобщенья...
Друзей не видишь и по сорок лет...
Не пишешь. Не боясь забвенья,
Не отмечаешь и – теряешь след.
Не торопясь и положась на память,
В густой траве и голубом снегу,
Ты знаешь, что сверкают между нами
Пунктиры звёзд, уложенных в дугу.
Мы встретимся, пройдя по ним мгновенно,
Сотрётся время, расстоянья – нет...
Шумят леса, шумят леса нетленно,
В глазах, от озера, зеркальный свет.
Душа, не бойся и не бойся, голос.
Мы опрокинуты, но узнаны тотчас...
Ты так терпела, знала и боролась:
Сиянье слёз стоит в сияньи глаз.

16. 2. 1980

* * *

Стихи о Риме называем Рим.
Эпохи, эры, считанные годы
Мы рифмою случайно озарим
(Его триумфы и его невзгоды).
Снимали белый мрамор с кирпича -
Кирпич руин - надёжнее гранита.
Здесь в круглый цирк входили львы рыча,
Здесь чернь была бахвально именита.
И Микеланджело, и ещё когороты
Историков, поэтов разных стран
Перед прекрасным городом простёрты -
Я не хочу всего перечислять.
Экскурсовод по аду был Вергилий,
Мы, ученически раскрыв тетрадь,
Туда лишь радость заносили.

июль 1975

* * *

"Этот ужас и этот зной
Называются тишиной".

Бессонница

Зияющая пустота,
Не Торичеллева, а – хуже...
Замкнула зрение, слух, уста.
Всё стало ближе, стало уже.
Не детский сон, не бремя зла
Бессонницы. Не бред, не бденье...
Но порошит огнём зола
Моё иное пробужденье.
Приходит смерть к душе живой
И пламенно пугает адом,
Но – мнится райской синевой
И шорохом вверху и – рядом.
Почти притиснута к земле,
Личинка бледная, простая,
Лежу бессмысленно в золе,
И крылья зябнут. Вырастая...

16. 12. 1976

* * *

Ничего не слышно о сиренах
(О русалках и не говорю),
А они лежали на моренах,
Глядя на вечернюю зарю.
Зимний дивный город Копенгаген!
Мне приснился снова Андерсен.
Лёгкий ветер бродит по бумаге
И ласкает волосы сирен.
На Балтийском леденящем море ходят волны
Острые, как серые ножи.
Знаешь, Петроград, всегда безмолвный,
Где-то здесь поблизости лежит.
Рыбий хвост у девушки на камне -
Каменная девушка проста.
Как у сказки Андерсена давней,
У неё безмолвные уста.

22. 3. 77.

СТАРИННЫЙ МОТИВ

Не верьте мне, о, верить перестаньте...
В дыму дождя взошла легко луна.
Не верьте мне, доверием не раньте –
Я Вам давно и вечно – неверна.
Когда ребёнком, в первой бальной паре
Я путала от счастья менуэт,
Я знала всё: о Вашем нежном жаре,
О том, что Вы простите или – нет.
И зная о разлуке и о встрече,
Предвидела, что верность до конца
Отдам маркизу в этот детский вечер
За холод ангельский его лица.
А то, что он оставит произвольно,
Как веер свой, я отдала, уйдя,
Возьмёте Вы, и мне не будет больно
Под струями февральского дождя.
Не принимайте ветер за разлуку
И слёзы – за недетскую тоску,
Я не теперь ушла на эту муку,
Которой Вас сегодня обреку.

Париж

* * *

Не трогай детства, за стеклянной
дверью,
Захватанной (которой сотней рук?),
Оно ещё наивно лицемерит -
Твой предавший и незабвенный друг.
И подражает всем, кому попало:
Тоске, разлуке и твоей любви,
Забудь его, не начинай сначала
И нежной детской кличкой не зови.
Пускай оно склоняется к узору
Простейшему и к розовым шелкам,
Ведь этим косам седина бы впору,
Морщины - этим голубым вискам.
Но от расшитых ковриков весёлых
Куда уйти по стёртым ступеням,
Что дать ему взамен столетним снам,
Какую сказку и какую школу?

Париж

* * *

Я напою Вам, как у колыбели,
И Вы уснёте, руки разведя,
Мой старый враг, мы оба подобрели
И не боимся ночи и дождя.
Как в детстве – хочется огня лампадки,
Вязанья няньки, очень пёстрых книг.
– Какой шалун, какой ты злой и гадкий.
И это всё, и даже через миг
Придёт прощенье. На ночь перекрещен
Спит злой, усталый, бледный человек.
Пусть ночь вдали течёт зловеща,
Она – вдали и не страшна навек.

Париж

ЗАКАТ

Линялых занавесок – озаренье,
И воздух в комнате из двух цветов,
Он голубей и розовей сирени,
Он не лилов и к мраку не готов.
Сияют руки в этом освещеньи,
Глаза темны, и голоса слабы:
Я получила Ваше извещенье,
Но я своей не изменю судьбы.
И Вашей тоже никогда на свете
Не изменю предвиденной судьбы...
Но свет от лампы прогоняет эти
Мои слова, и так лучи грубы
Из-под какой-то матовой розетки,
Что я молчу, и ты, не услыхав,
Твердишь мне успокоенно и едко,
Раз – я согласна, значит – ты был прав.

Париж

* * *

В первый раз... В феврале? В апреле?
Я не помню, но месяц тот
В слабой памяти еле-еле
В букве "Л" шелестя поёт.
Был ли снег или дождь холодный,
Я не знаю, но вся рука
Потянулась, как в глуби водной,
Стала лёгкою на века.
И я вижу, что держат волны
У утопленницы полёт,
Чуть намеченный и неполный,
И спокойный наклон вперёд.
И в ладони её разжатой -
Что-нибудь, что не хочет плыть...
(Прядь волос, поклон виноватый,
Просьба всё понять и простить)...

Париж 1935 - 1938

* * *

Утихает тревога. Надежда
Входит снова ко мне, не спеша. –
Посмотри-ка в окошко, невежда,
Посмотри-ка на счастье, душа.

Над домами в дыму розоватом –
Бледный мир, где украдкой в раю
Плачут те, что не виноваты,
Кто сумел устоять на краю,

Кто не знал, как я изменяю,
Я – надежда, и как, возвратясь,
Улыбаюсь, шучу и ласкаю
И опять ухожу, не спросясь.

А отчаянье, что плодотворней
Всех наград и подарков в раю,
Подсчитает согретые зёрна
И посеет опять на краю.

Париж

* * *

Как не устать, о, как не умереть,
Как отдалить смертельное желанье, –
Вздохнуть и лечь, потом в огне гореть
И слушать только плач и воздыханье.

О, как заставить душу хоть слегка
Поверить в детские твои надежды,
И волосы откинув от виска,
Поднять глаза, приподымая вежды. . .

И жить в земном устроенном раю,
Ещё иной вымаливать у Бога,
Где в ангельском взывающем рою
Таких, как ты, наверно, слишком много.

Париж

* * *

Придётся поверить, придётся,
Придётся, наверно, придти,
Но каждый при встрече смеётся,
И ангел дрожит на пути.

Не верил, что девы земные
Прекрасны? И смех за бока
Хватается, толпы хмельные
Глядят на него свысока.

Но девы, что светловолосы,
Похожи на братьев в раю,
И смотрят с небесным вопросом,
И плачут погибель твою.

И ты, что льняное сиянье
Оставил за чёрную смоль,
Греха у них, как подаянья
Молил. И привычная боль

На месте отвергнутых крыльев
Терзала тебя пустотой...
– О, ангел, мы тоже бессильны,
И грех наш по-детски – простой.

Смирись же, покайся и станешь
Святым в человечьем раю,
И, может быть, к стынущей ране
Прижму я ладошку свою.

Париж

* * *

"Но ангелы пели. . ."

В. Смоленский

О, как над городом темно,
Как тщетно светится окно.
Из серых туч, на серый снег,
Из-под тяжёлых серых век.
Твой ангел смотрит и поёт,
И нежен приоткрытый рот.
Но звуки тают наверху,
Их тучи кутают в пуху.
Их снег сечёт, их ветер бьёт,
Но ангел смотрит и поет.
И на бумаге трепет рук
Покорно принимает звук.
– Неслышный зов, знакомый зов
От потолка до облаков,
От хрупких крыш и тесных туч
Ложится искривлённый луч.

Париж

* * *

Так забывают дети,
Так помнит покорно мать,
Но созданы мы на свете,
Давая, не принимать.

Щедры и прозрачны руки,
Светлы и сухи глаза,
А вечером звон и стуки,
И в поле пустом - гроза.

И путник далёкий где-то,
Блуждая, увидит дом,
Чьей памятью лишь и светом
Он снова во тьме ведом.

Париж

* * *

Принимая любовь, как судьбу,
Я тебя поджидаю в гробу.
Ты ушёл, как уходят на час,
Ты вернешься, как в первый раз.
Разве кто разведёт двоих,
Сдвинет руки, нежней твоих,
Что над нами в раю легли,
Что от страсти не сберегли,
Что свели на века навек,
Что раздвинут и пыль, и снег,
Что далёки, теплы, щедры,
Все обиды и все дары?
Прибран рай, словно в день седьмой.
Ты придёшь – и ты будешь мой.

Париж

* * *

Из радости несбывшейся, такое
Большое счастье, крыльями шурша,
Встает в свету, и блеске, и покое!
И робко смотрит, заслонясь, душа.
За что же мне? Ведь позабыты муки,
Бессонница, и слезы, и позор.
И где мне взять себе такие руки,
Такую силу и такой убор,
Чтоб я его достойно принимала,
Чтоб я его не смела утомить?
Любовь моя, живи, как ты живала:
Не бойся счастья и не бойся жить.

Париж

* * *

Руки на ночь разомкну,
Не придёт наверно сон.
Глаз усталых не сомкну
Ночью после похорон.
Я не плачу о тебе,
Я поверила судьбе.
Спи в чужой своей земле,
В зимнем неживом тепле.
Я тебя не стану звать,
Я одна не буду спать.

Париж

* * *

В этом сквере шириной с платочек,
Брошенный на городском мосту,
В пыльном сквере, где проходят ночи
От ночей заветных за версту,
Где покорно руки замирают
И на плечи падают, как свет,
Где тоскуют, плачут, умирают,
Как впервые, как в пятнадцать лет...
. . . .

Париж

* * *

За мною - истина, за мною - грех,
Счастливая, была счастливей всех.
Сквозь сон и явь, сквозь смех и через
плач
Считала золото своих удач.
Плыла луна, и осыпался сад,
И только раз, оборотясь назад,
Ты посмотрела прошлому вослед,
Благословила океаны бед.
И там, где рук протянутых приют,
Ты услыхала перезвоны пут.
Любимый друг, мне счастье суждено,
Забытый враг, мне так повелено.
Прости меня, забудь меня навек,
Как цвет в саду, как на вершинах снег.
Растает снег, и закружится цвет -
С тобой была, и вот сегодня - нет.

Париж

* * *

Милый мой, зацветали липы,
И черёмуха тоже была,
Падал снег, и от санного скрипа
Я как маковый цвет расцвела.
Милый мой, на каштановых прядях
Снег не таял, а звёзды в меху
Все растаяли, слыша и глядя,
Как и те, что цвели наверху.
О, мой сон двадцать третьего года,
Мой счастливый тринадцатый год!
Торопилась случайно природа,
Всё уже подсказала вперёд.
И в ладонях у мальчика счастье
Билось долго измятым крылом.
Только он не поверил, не понял
. . . .
И связал наши души узлом...
И теперь через годы разлуки
Плачут души, и руки пусты.
Как беспомощны взрослые руки,
Как холодные звёзды чисты.

Париж

ЗАПЕРТЫЙ САД

О, любовь моя, не та, что надо,
Но такая, что ко мне пришла,
За решёткой запертого сада,
Как луна взошла и поплыла.

Как пряма дорога к павильону,
Как темны и влажны цветники,
Эти стебли и лучи не трону,
Даже не посеребрю руки.

Но покорно руки замирают
И на плечи падают, как свет.
- Жди меня, ворота отпирают
На заре и через вечность лет...

Вдалеке рассеется сиянье,
Звезды потускнеют на траве.
Что с тобою, что с тобою станет
В этой темноте и синеве?

Париж

* * *

Береги любовь, не прощай любви,
Каждый день на суд ты её зови.
И в глаза гляди, и огнём пытай,
По ночам над ней как сова летай.
На запястья ей - кандалы надеть,
И на сны её - птицелова сеть.
Бьётся грешный сон на заре в петле -
Власяницу ей и не спать в тепле.
В городском саду, как двенадцать трав,
Отыскать тебе, заложить в рукав?
Но найдёшь отвар и луну найдёшь,
Проклянёшь любовь или заклянёшь,
Обойдёшь любовь или обоймёшь,
Правду скажешь ей или скажешь ложь, -
Всё равно не жить порознь вам теперь,
Запирайте дом, задвигайте дверь,
На засов - трубу, на задвижку - щель.
За окном встаёт чёрная метель.

ЗАМОК

Ветер открывает слишком резко,
Как бутон, заоблачную рань...
За крахмальной чистой занавеской
У привратника стоит герань.
И раздав зелёные билеты
Туристическому хвосту,
Ровно в девять он надел манжеты
И пошел к подъёмному мосту.
Мы не древний сумрак беспокоим
Пылью отцветающих долин,
И совсем не розой и левкоем
Пахнет в одеялах нафталин.
И на гладко-золотой площадке
Где бывал по праздникам турнир,
На стаканах выведенный сладко
Покупаем замок-сувенир.
Мне мечту стреноженную жалко,
Как внезапно сломанный смычок,
И пускай на сучковатых палках
Появился новенький значок, -
Можно снова вынуть папиросы,
Растянуться под сосною в ряд...
Разве здесь плела когда-то косы
Я на башне много лет назад?...

* * *

Как обдуманно гнёздышко птичье.
Но и город, где горе и сор,
Обретает былое обличье.
Стены замка, мосты и собор.
В замке нет синеглазой графини,
Часовой не стоит на мосту.
Нюрнбергские нынче твердыни
Потеряли права на мечту.
Вот почти что былые витражи,
И торговки, уже примостясь,
Призывают в стариннейшем раже,
Продают и зовут посмотреть.
Ах, позорнейший город, ах, бедный!
Пахнет пряником порох забот,
А в трубе ослепительной медной
Ангел
. . . .

* * *

В высоком небе шли наискосок
Большие облака и тяжелели.
И дождь упал, как синий волосок,
На дачные тяжелые качели.
Уже не облака идут копной,
Но тучами. И гривой дождь схлестнулся
с тополями,
Копытами промчался за стеной,
Свалялся с листьями...
. . . .

* * *

В православной церкви над тобой
Плачет ангел серо-голубой
Над твоей несчастною судьбой.
Старики заполнили углы,
Иностранцы шепчут похвалы
(Аппарат на нас - из-под полы).
Праздник. На полу - не трынь-трава,
И березка-штамп опять права.
Хор поет бесстрастные слова.
Над ничком упавшим стариком
Стрелы не мелькнули, спрятан гром.
Раньше думал, что живал в Крыму,
Будто дети родились в дому,
Будто сгинули они в войну.
А теперь он видит - сад как сад,
Только без заборов и оград.
Просиял, помолодел и рад.
Некогда художник видел ад,
Видел, словно сорок лет назад.
Византийские глаза тусклы,
Тень от крыльев подняла углы.
Это - рай тебе из-под полы,
Это хор поет тебе хвалы.

* * *

Как ладонь, невелик островок,
да церквей на нём частокол.
Подошёл катерок-ветерок,
И турист неуклюже побрел.
Большеглазый экскурсовод
Указал на чешуи резьбы,
На окружность сереющих вод,
На прозрачные нимбы и лбы.
Нет ни копоти, нет и старух:
Он уверенно указал,
И алтарь охранён от разрух –
Островок замечательный стал.
И поверивший было турист
Записал: алтарь, алатырь
(О фольклоре.) Другой же славист
Всё смотрел на озёрный пустырь.
Он не чуда хотел, не толпы,
Но какой-то росы и тропы.
Он (француз, в конце-то концов)
Вот заехал на землю отцов.
Самоварно начищенный крест,
Да столбы на крылечке лучей.
Нет богов, нет гробов, ни невест,
Ни гривастых бородачей.
. . . .

* * *

В холодный дом вошло преображенье,
По лестнице со свечечкой вошло.
Потрогало своё изображенье:
Высокий лоб, и раму, и крыло.
Взыскательный и дивный мастер
Сиянье кистью выписал, страшась.
Он всё забыл: и слабости, и страсти,
Бокал и сон, и поцелуй, и пляс.
Взошло оно, и вспыхнули паркеты.
Холодный дом, запахший, словно мёд,
Где кисеёй по окнам виснет лето,
И дети ждут, чей выпорхнуть черёд.
Идут на кухне в медном хороводе
Кастрюли, ступки, баки и тазы,
Но почему сегодня счастье сводит
Твой пальчик с книгой, где одни азы?
Где некий дух, одетый по-парижски
В шелка и ленты, шляпка – в кружевах,
В три года зеркало сменив на книжки,
Сидит и смотрит, и скрывает страх.
Тот самый страх, что вдруг наступит
То опасенье, что уже в дверях . . . . . .
. . . .

* * *

Во сне ли то случилось,
Иль кто–то рассказал:
В картину оступилась,
В двухцветный серый зал.
Белели двери, шторы,
Но свет был хмур: февраль,
Звенели рядом шпоры,
Шептал на ухо враль.

* * *

Ночь раскрыла холодные руки.
Помолчи, ты заснёшь, помолчи.
Но раскрылись и тайны, и звуки,
Только дети умолкли в ночи.
Белый дом стал прозрачен и розов,
На картине костёр для певцов.
Но помогут ли эти угрозы?
(Не помогут, в конце-то концов.)
Ад пылает в холодные ночи.
Он - на улице, в доме, везде.
Синий иней уже на сорочке,
И в стакане густеет, в воде.
Но я знаю, и многие знают -
Те, кто ночью тихонько встают,
Те, в ком строки клюв разевают,
Замерзают и громко зовут.
А бумага (всё стерпит бумага),
Шелестя и скрутясь, как слюда,
Та же самая (Киев иль Прага),
Наготове, конечно, всегда.
Час проходит, другой и четвёртый,
Ты ложишься и, веки смежа,
Недовольна-довольна. И к чёрту
Посылаешь свой ад, не дрожа.
Впрочем, что я? Ведь ад на картине -
Сад эдемский, и яблоки все -
До последнего. Ева поныне
Кувыркается в синей росе.

* * *

Мы губим розовое вдохновенье
Сомнением, иронией. Шепча,
На "для чего?" мы ставим ударенье
И на намёк бескрылости плеча.
Да мало ли на что. А вечер чёткий
Взбирается, чтоб осветить деталь,
На все дворцы, костёлы и решётки,
На древность всю, и освещает даль.
Где крыльев ворох, где большие руки
Протянуты, где эхо не умрёт
И ты ему ответишь: на поруки
. . . .

* * *

Мы знаем рай по райским сновиденьям,
Мы знаем ад по жизни на земле.
А жизнь приходит за нечастым бденьем,
Когда стихи случайно на столе.

Ну, надышись, и после, хоть недолго,
Гляди, как ограждённая от бед.

Но жизнь приходит иногда забвеньем
О некоем, весьма подспудном зле,
И я дышу чужим стихотвореньем
До полной радости...
. . . .

* * *

Прости за грубость. Ты достоин даже
Хрустальной горки. Каталог, трудясь,
О сероглазом ангеле расскажет, –
Музейной редкости, милейший князь.
Толпа идёт, не дышит. Монна-Лиза...
Бог с ней, она смеялась над собой.
Верёвочка протянута. Как риза,
Крыло гордыни серо-голубой.
И ты стоишь под стёклами, что нынче
Все сторожа начистили, дыша.
А ты стоишь, и Леонардо Винчи
Наставил циркуль – смелая душа.
О, ты достоин этого, и больше.
Коллекций частных (хочешь Радзивилл?)
– Но я груба. Хочу Руси и Польши,
Хочу, чтоб преступленья отмолил.
Хочу и требую. Ступени храма.
Ступени трона... Сколько ступеней?
А я с тобой – застенчивая дама.
Всё для неё, всё смею, все для ней.

* * *

Как топочут стада. Как поют петухи.
Это детство к тебе заглянуло украдкой.
Принесло две косы и, конечно, стихи,
Голубую тетрадь с голубою закладкой.
О, не будем подмешивать к детству сироп.
Были – слёзы и боль. Но лукавое детство
Изо всех дорогих и таинственных троп
Разыскало, шутя, голубое наследство.
Ну, конечно, чердак. Здесь от многих детей
Наших дядей и тётей, отца, да и деда,
В расчудесной пыли горы древних затей,
Бесподобных (а я-то была привереда).
И совсем как из сказок, приходит душа
К этим сломанным куклам, и очи у кукол,
Распахнувшись брезгливо и что-то реша,
Повернулись к стропилам в сияющий купол.
Как топочут стада, как поют петухи.
Музыкальных шкатулок тяжёлая стая
Зажурчала ручьём и сложила стихи.
Я-то их проверяла, тетрадку листая.
Тяжкий валик, скрипя, рассказал обо всём,
Что со мною случится, но всё же, но всё же,
Скрежетал, что мы с ним ещё песни споём.
Ну похуже немного, но тоже, но тоже.
Как топочут стада. В тёмный люк опустясь,
Попадаю я в Бельгию и понаслышке
Попытаюсь писать, ну хоть малую часть
Сберегая от краткой моей передышки.

* * *

Мы пишем друг другу не письма,
А мысли свои перед сном.
Но хочется живописно
Сказать, как всегда, об одном.
О русской таинственной речи,
Что многих случайно спасла.
О дани мечты, и увечий,
И прахе случайного зла.
О разобщеньях, разлуках,
О нас не признавшей стране.
О горьких и долгих науках,
О том, что мы видим извне.
Шевелятся карты на стенах.
Чудесен Кавказ, как айва.
Мы тут не повинны в изменах,
Я даже почти не жива.
Не в белой и синей Сибири,
Не в том чернозёмном углу -
Живу в музыкальнейшем мире,
Тянусь и ко льду и к теплу.
И только ладонью случайной
Я глажу начертанный путь.
Днепром, богомольем и тайной,
Которой не в силах спугнуть.
Это будет, наверное, долгий путь:
Самолёт, самокат, экипаж и коня
Я потребую важно, робея чуть-чуть,
Незаметно робея и радость кляня.
Есть дорога-река, невесомая Рось
Неспеша приближается, дышит едва,
Чтобы мне написать и о ней привелось.

Подступает неспешно, творя рукава.
Некий барин, что жил на холме у пруда,
Называл её Стиксом, и Летой ещё.
Никаких судоходств. Только дышит вода,
И туман от неё осеняет плечо.

* * *

Этот серый городок на склоне
На мостах построен, на садах,
На весах, на снах. И как в короне,
В крепостных он заключён стенах.
В монастырь какие ветры дули!
В революцию и каждый год
Ветер стены решетил, как пули,
И дожди хлестали огород.
Братия трудилась (я не знаю -
Православная - обычай их),
А монах прошёл, как будто к раю
Под ритмичный и [...проп.] стих.
Замок повернулся боком - башней,
Лопухами густо дышат рвы.
Мост подъёмный для туристов страшен
. . . .

* * *

В лесу что хочешь, даже замок,
И даже Синей Бороды.
Болотце дышит, и из ямок
Водою залило следы.
О проклятом давно сеньоре
Расскажет скупо дровосек:
"Да, вот из башни видно море,
Да, он им головы отсек.
В стране не то чтобы преданий,
Но попросту чудес и слов,
Вели красоток на закланье,
Очередной его улов".
И пыль. А если лечь во мхи у замка
И на стихи перевести
Всё, что узнает чужестранка
В Бретани летом по пути,
Покажется, что время стало,
Просвечивая сквозь века.
Идёт солдат, одетый ало,
И смотрит сквозь и свысока.
На башне плач. О, эти башни!
О, этот плач! О, этот ключ!
В руке моей – как ключ вчерашний,
Похожий на июльский луч.
Но комната, что под запретом,
В стихах открылась без ключа.
В лесу. В Бретани, этим летом.
И – стража стала у плеча.
Но сквозь неё, сквозь эти стены,
В лесу, под розовой сосной,
Я знаю, что пребуду пленной,
Не этой стражи, но иной.

* * *

Мой веночек потонет весной,
И сестра без меня через год
Молодую берёзку завьёт
И к реке побежит не со мной.
"Что печальна, сестра, и тиха –
Не дождёшься никак жениха?
Ты примете старинной не верь,
Постучался твой суженный в дверь.
Очи чёрные из-под ресниц
Распугают подружек, что птиц.
С ним останешься ночью одна,
Будешь счастьем пьяна без вина.
Будет первенец-сын через год,
В первый мартовский ледоход..."
Мой веночек в воде потонул,
Не к добру была эта игра,
Мой любимый меня обманул,
Вспоминай меня чаще, сестра.
И за грешную душу мою
Помолись и свечу затепли.
Я сегодня ещё запою –
Мне не петь из-под чёрной земли.

* * *

Импрессионист кладёт мазки:
Берёзы - жёлтые монетки,
И мелких игол так резки
Глубины, чернь, движенье ветки.
Желтеет лиственных аллей
Пробег. Нажатие педали,
И до отказа, веселей,
Становятся левее дали.
Там виноградники стоят
В оранжерейном оформленьи,
Там строят дом, и дом измят
В каком-то тоже застекленьи.
Что делать? Север. Здесь уют
Декоративный. И кистями
На полотне коснулся тут
Художник...
. . . .

* * *

Просыпаясь, умываясь, проясняясь
И готовясь к бедному деньку,
Мы какую-то теряем завязь,
Что, быть может, родственна цветку.
Маленькие корни отмирают,
Вспаханная дрёмой, целина
Зарастает, и уже по краю
Высится колючая стена.
Где нам биться с лиловатым цветом,
Просеку нам к вечеру найти -
Бурно и мясисто месит лето
Все тропиночки и все пути.
Прислоняемся к стене, к подушке,
Впрочем, это, вправду, всё равно,
Мы как будто снова у отдушин
Ловим, словно петельку, звено.
Только день тягуч и долог, долог,
Пышет и звенит чертополох.
Вот альков бы, ширму или полог
И легчайший и широкий вздох.
Беден садик, ну, а камень
В городе серее в ноябре.
Мы - свободны, как бывает в браме,
Как во сне бывает, на заре.
Сон сгустился. Это ль не подарок?
Гуще паутины тюль-июнь,
И зарубки ярче всех помарок
. . . .

* * *

Плавным ветром натянута память,
И – мельканье замедлено чуть.
Это волны ложатся на камни,
Помогают и скалам вздохнуть.
Я не знаю – на доке ли, в бухте
Та оснастка исправлена вновь.
Но случайные флаги пожухли
И свернулись у берегов.
Обгоняют и звук самолёты,
Тут же – барка, слегка копошась,
В бледном море на зыби (что – соты),
Снова бледную вывела вязь.
И от качки склоняется небо,
А медуза, закинув плечо,
На прохладные серые гребни
Посмотрела ещё и ещё.
Даже чайки, что ссорятся тут же,
Вырывая из рук карандаш,
Поотстанут. А берег всё уже,
И другой приближается – наш.
Он – невидим и даже, быть может,
Никогда до него не дойти,
В узком горле привычно заложит
Эти строчки уже на пути.

* * *

Ты приходишь на хвойный скат,
Ты глядишь, как среди елей,
Выгребает осень закат –
Вороха золотых углей.
Чтоб рассыпать жарок листвой,
Разгораться и остывать,
Чтоб угарною синевой
Собрались комары опять.
Чтобы сквозь кисею и тюль
Сон вплывал и ломал крыло,
Чтоб в домах засыпал июль
Непробудно и тяжело...
Холодеет вверху заслон,
И клубится в лугах зола,
Ты приходишь на хвойный склон
Обнимать чешую ствола.
Чтобы вечная зелень хвой
И прозрачная тишина,
Холодеющий голос твой
Оградили от злого сна . . .

* * *

Спит моя далёкая надежда
Синим кораблём в ночном порту,
Ангел впереди смежает вежды,
Опускает крылья на ветру.
Сонный ангел руки тихо сложит
На груди, а грудь его слаба,
Паруса и он не потревожит,
Слабый ангел - сонная судьба.
Так он спит под носом корабельным,
Чуть посеребрённый, а внизу
Якорь илом обрастает мельным,
А канат переживёт грозу.
И когда он двинется на север,
Мой корабль, где я годами жду?

СНЕГ

Нерешительно мельница где-то шумит.
Только нынче в ней нет ни муки и ни мага.
Здесь давно ресторанчик. Он лыком не шит.
И какого здесь нет над воротами флага?
Плоской ряской вода зацвела у двора,
Чуда-юда Бретани здесь свалены всюду:
Богоматерь гранитная - светлосера
В уголке, где колоннами ставят посуду.
Декорацией мира кажется бар.
Вот куски штукатурки церковной, где звёзды.
Вот крахмальный убор. И базар
Продолжается в зале, возле.
Сто картин под Ван Гога, Гогена, Руссо.
Ах, вы знаете, живопись здесь, в Понт-Авенье!
Прялка люстре пожертвовала колесо,
Чтобы дать впечатленье, создать настроенье.
И дивный выпал снег. В стране,
Где, может быть, случается такое
Лишь изредка (ну, может быть, во сне).
Белейший снег (серебряней левкоя).
Окно стояло - узенький маяк.
Шуршало, словно саранчою.
На свет летел белёсой тучи зрак,
А дворик вдруг прикинулся парчою.
И вот на сей случайный пьедестал
Снисходит символ мастерски изваян:

Огромный ангел птицею упал
И встал в саду, и слаб, и неприкаян.
Качается от снега горизонт,
Плывут деревья, локти округляя.
И снизу снег идёт, под каждый зонт,
Кого угодно нынче обеляя.

* * *

Отплывает синий пароходик
В северные серые моря.
Ты во сне привычный мир находишь,
На земле его не сохраня.
Пароходик стонет на буксире,
Мёртвой зыби принимая пляс.
В отвлечённом и абсурдном мире
Явь опять прорыву поддалась.
Не за жизнью, даже не за смертью,
Устремился новый эмигрант,
Приникая к круглому отверстью,
Узнавая набережной кант.
Ветер свежий и такой весёлый,
Твой иллюминатор закружил.
Разве мы с тобою новосёлы,
Разве здесь ещё никто не жил?
Только голос в рупор слышен свыше
(Голос капитана, что привёл):
Оцените этот шпиль на крыше,
Этот купол вовсе не тяжёл.
Ах, как трудно рассмотреть былое
Через розу ветров, через сон.
Словно занавес прилежно плоит,[?!]
Снегопад, скользящий в унисон.
Пароходик легче стал без груза,
И стоит, над пеною дымя.
Нас встречает мраморная муза,
А не гостеприимная семья.
И протягивая к нам ладони,
Нам, что замешкались навесу,
Подтверждает, что надежда тонет,
Но что, дескать, я её спасу.

У ГАДАЛКИ

Тоска в трущобу завела.
Гадалка слишком весела.

На стенах розоватый крап.
Сова не выпустит из лап.

Диван разодран на клочки:
Коты играют в дурачки?

Но кто умён, а кто дурак,
Не знает даже Зодиак.

Ведь за оградою из пик,
И здесь король всегда двулик.

(Он от усердия согбён
Перед бабёнкою бубён.)

Короче говоря, борись.
А нечисть? Ну, окстись и – брысь...

Гадалка кофе отольёт,
Медовым тоном заведёт.

– Я вижу острые зрачки:
Играют сердца в дурачки.

Хрустальный шар светлей воды
И воздуха, а души – льды.

Но ты ведь, кажется, лоза:
Ну, грянет гром, придёт гроза,

Ну, будет смерч сверкать песком,
Ну, будет боль ежом, что ком,

Ну, будет иней, ну, мороз...
Всё это пустяки для лоз.

Я вижу свежую траву,
Дождём побитую листву.

Я чую этот запах трав.
И – ты права. (Король – неправ.)

Иди по своему пути
И ручку мне позолоти.

Она зевает, крестит рот.
Глядит, прищурясь, нагло кот.

А неразгаданная тень,
С короной жёлтой набекрень,

Как прежде, непонятна нам
(Бабёнкам сладким и – червям),

Колодой дрыхнет между карт.
Плати, душа, на то и – март.

ФРАНЦУЗСКАЯ БАЛЛАДА

(Конная статуя.) Генерал
На площади скромно в углу стоял.

(На каменном цоколе - список битв
И строки малоизвестных молитв.)

Парижская площадь: всего найдёшь.
Повсюду движенье - лунная дрожь.

В лунную ночь всегда генерал
С площади звонко удирал.

Цокала лошадь. По воле резца
Ей на дыбах брести без конца.

Ангел с костёла тянулся вслед,
Но оставался - таков обет.

Кариатида, хрустя плечом,
Особнячок запирала ключом,

Гладила ноги, коснувшись земли,
Как у прислуги, они затекли.

Думала долго (каменный стон)
И залезала опять на балкон.

Мраморный бог, раздувая фонтан,
Им сочинял фельетончик-роман.

Дескать: сегодня в ночи светло,
И генерал поскакал в Ватерлоо.

Это был малый генерал
(Не изменял и не удирал.)

Что ему там – Наполеон.
Павших солдат не забудет он.

Он панораму проверить пошёл,
Что для туристов кто-то возвёл,

Где расположены на холсте
Трупы и пушки (конечно, не все).

Он пробормочет и верность свою
Вспомнит, и всех, кто остался в бою,

(А не в строю.) Пересмотрит Гюго,
Что модернист-футурист для него.

Слушают каменные жильцы
Площади светлой, во все концы.

И вспоминают время войны,
Этой последней, земные сны.

Как на четыре года, на пять
Стал генерал генералом опять.

Враги верёвкой скрутили его
(И не нашёлся новый Гюго).

Генерал томился где-то в плену
И вспоминал Ватерлоо и луну.

Бронзу расплавить враги не смогли,
В освобожденье он встал из земли.

Лошадь взвилась и, оскалясь не зло,
Радостно двинулась в Ватерлоо.

И где победа, а где обвал,
Просто не знает генерал.

* * *

Ленивый холод с тяжестью ковра
Лежит над полом сантиметров на пять.
Камин: рисунок или же дыра.
И кран замолк, не может больше капать.

В таком зияньи стужи только звон
Стеклянного чего-то у запястий.
Вся комната, как план для похорон,
А стол из глины замогильной масти.

Вот тут бы - крест, что временным
зовут
И что навек на месте оставляют.
Венок из бус вот тут, но лучше тут,
А здесь пускай вороны позевают.

Короче говоря, лишь рая нет,
И в перспективе мертвецу, как надо.
Но, может быть, в сугробе сотню лет
Я пережду и: дотерплю до ада.

* * *

Чешуя, чешуя, чешуя,
Золотая, зелёная, синяя.
Вот русалка лежит у ручья,
На снегу, на простынке из инея.
Заблудилась, ушла из глубин
И по рекам добралась до рощицы.
На ветру, в хороводе рябин
Потускневшие косы полощутся.
Каменеют рыбьи цвета,
Каждый волос, что жухлая водоросль.
А была ты – сама пестрота,
И сверканье, и одурь, и оторопь.
Вырастают большие холмы,
(В снегопаде припрятаны отруби):
И пухлы, и, конечно, немы
Всей дорогой от моря до проруби.
Ах, плотвичка-сестричка, ведь брод
Неизвестен чудовищу-душеньке.
И лежит порыжелый урод
На стеклянной, на мховой подушеньке.
А рябина, что сморщилась вся,
Не от холода – от омерзения,
Всё же ягодой моросят,
Метит красным тупик невезения.

КАНВА

1.

Шуршали сугробы: ещё подрастём...
Широкой мережкой, кустарным шитьём.
И кружевом, кружевом, мушкой вуали
Они и сквозили и так нарастали,
Что я за решёткой голландского сада
Попала, как сон, в снегопад Петрограда.
Холмы натекали, как белая лава,
Чудесную выбрав стихию состава.
Снегурочкой шли с небывалого бала,
А Золушка словно в муке побывала.
Лебяжьи канавки – и в Летнем саду,
Под лунною лупой – звёзды на льду.
Здесь дети построили тяжкие арки,
И в каждой фигура из триптиха Парки.
Что нитку сучит из белых тире,
Что строчку стихов строчит на заре.

2.

Ах, снег... Вышиваю и я на тамбуре
Старинною барышней троечку в буре.
Стеклянным настом – Млечным путём,
В голландском чепце, но не здешним
шитьём.
На белом – белейший, тишайший хаос
Мне встретить опять даже здесь
привелось.
Крахмальные ласты лежат на плечах,
Пласты возвращаются в веющий прах.

Тропинку иголкой прошей - пропори,
Порошей прикроешь (пример мимикрий)
Канавы, сугробы, и иней, и пар.
Каналы, что гробы, но тройка - пожар.
Мелькает в глазах от созвездий и шва.
Но вот просияла и память - канва.

* * *

Широких древних плит не одолеть,
Они ведут, быть может, в Бриндизи.
Не вспоминать, не знать и не жалеть
О том, что с нами приключилось в
жизни.
Мой милый брат, бродячий и ничей,
Верёвкой подпоясанный философ,
Не узнаёт сегодняшних речей,
Не ставит нам смущающих вопросов.
Тут проходили армии на Рим,
И, кажется, в пыли, за той, последней,
Он шёл, богами прежними храним,
И берегом, и лугом, и деревней.
У круглой башни серые кусты,
Бредут стада, как движимые камни.
Мой милый брат, твои глаза чисты
От радости совсем ещё недавней.

* * *

Никогда тебе не поверяю
Тайн своих, надежд тебе своих,
Никогда тебе не доверяю,
Даже если ты совсем затих.
Душенька моя, какая мука
За тобой крылатым уследить,
Что ещё за страшная докука
По пушинкам крылья находить...
Вон куда забился – к потолочку,
И сидит на ламповом крюке.
Дай, как сына, дай тебя, как дочку,
Покачаю нежно на руке.
Локоны – под белую рубашку,
Пёрышки твои – на пуховик,
Спи, мой ангел, – крылья нараспашку,
Спи, прозрачный грустный озорник.

* * *

Душа, не гляди назад
И ни о чём не жалей...
На стенах часовни – ад
Закатного неба алей.
И грешница из котла
Глядит, заслоняясь рукой,
На то, как бледна смола
В лесу над земной рекой. –
Смола – едва ли тепла,
Совсем прохладна – река,
Я – грешницею была,
За то – жаровня звонка.
Высокий горит огонь,
Смола горяча, черна,
Ты совести не затронь,
Не вымоли вечного сна.
Не то в прохладном песке,
Под легким своим крестом,
Забудешь о той тоске,
О счастье своём земном,
Которое жгло смолой,
Калёным железом жгло,
Входило в сердце иглой
И ножницами – в крыло...

* * *

(1-ый вариант)

Сполохами вспыхивает море,
Далеко и ближе, кое-где.
Дерево в оливковом уборе,
Поклонилось камню и звезде.
Это час не поздний и не ранний,
Чтоб узнать, где дышат чудеса:
Этих раковин крутые грани,
Этих водорослей волоса.
Волнорез волненье остановит.
Далеко за бухтою – маяк.
Голубая сеть опять уловит
То, чего не видывал рыбак.
Серый городок стоит на склоне,
На мостах, на садиках, на снах.
Там часы на башне и в короне...
. . . .
. . . .
Был порт и вправду невелик,
Вода от тины – непрозрачна.
У спуска к морю – твёрдый лик
Марии каменной, невзрачной.
Как всё здесь, ветрам вопреки,
Гранит не вскорости ветшает –
Стоит Мария – две руки
Протянуты. И – утешает.
Проедет воз иль грузовик
(Иль парусники не вернутся),
В тяжёлом капюшоне твёрдый лик
От нас не может отвернуться.
Турист присел, нарисовал,

Да заскучал. Но краски – были.
Цвёл дрок, у скал случайный вал
Дрожал, как конь усталый в мыле,
И паруса красны вдали.
На сером краски так сияли,
Пастель запуталась в пыли,
И выплывет турист едва ли...

ПРЕОБРАЖЕНИЯ

Пустой бассейн и группа Граций,
Что звёздами освещены.
Парк полон призраков акаций
И привидений бузины.
Настойчиво вдыхают в уши
Секрет какой-то и запрет,
Неясные, на диво, души:
И – полуцвет, и – полусвет.
Какая-то иная завязь
В цветах, дорогах и руках,
Игривый контур, испаряясь,
Качает время на весах.
Босые Грации тоскуют
И рук не смеют развести.
Кусты – белы, мой страх смакуют,
Росою хлещут на пути.
Но только за оградой чёрной
Пройдёт трамвай, затарахтя:
Акация висит покорно,
Сладка в ладони, что кутья.
И бузина горька, как воздух,
Отчётлива и нестрашна.
Распоясались вот при звёздах,
Да свет трамвайного окна
Их, походя, вернул на место.
И Грации на свет окон
Так выпукло глядят и честно,
Как все слепые испокон.

* * *

Скользя по лесу в темноте,
Хоть день сияющ и – июнь,
От родничка в полуверсте
С себя и пыль и горе сдунь.
Он так глубок, он так упрям,
Что ломит руку, как тогда,
Когда писала там и сям
Карандашом, и шли стихи, как провода.
Как эти струи, что в траве
Я не увижу, но – коснусь.
Смотри, скажу дуплу (сове):
Я полежу, я отлежусь.
Смотри, скажу воде: ничья,
Ладонь от хлада затекла . . .
. . . .

* * *

...Сегодня зрелость белых яблок -
Осенний круглый урожай.
А скоро, вместо влажных грядок,
Оранжереи обряжай.
Деревья обернут соломой,
Рогожей. Известью мазнут,
И астры розовый уют
Сожгут морозы возле дома.
Тот русский сад полузнакомый,
Как будто пахнущий дымком,
Теперь зачем-то
Он приближается шажком.
Сошлись две осени, как шторы
(За ними некий сквер чужой)
Ладони памяти на взоры
Кладёт октябрь полуживой.
Но в полутьме всё ярче дышит
Сиянье, бывшее золой,
И астра тянется всё выше
Сквозь времени случайный слой.
И там, где цвет на свет похожий,
На высоте, на глубине,
Она уже латынь тревожит
И не сгорает на огне.
Какой проекцией случайной
Отражена, оживлена?
Почти совсем привычной тайной
Сияет на небе она.
Сквозь строй разлук и расстояний,
Откуда-то туда взойдя,
Она не поникает от дождя,
От ледяных пустынь не вянет.

* * *

У радуги сегодня белый цвет –
Она ведь на цвета не разложилась.
И бельма мудрость подымает вслед,
И чистоту тебе даёт, как милость.
Огромные ворота так белы,
Так неуютны, так непроходимы,
А голоса познавших злы,
Что души их обходят краем, мимо.
О, радуга, ударься в зеркала,
Хоть зайчик высеки по стенам,
разноцветный,
Ведь я ещё покуда не была
За той чертой, у этой речки Летны,
Где яблоки свились угрюмо в гроздь,
Коричневые, тяжкие на диво,
Где даже звонкой радуге пришлось
Стать предсказаньем тёмного налива.
Она предсказывает буран,
Она торопит: ну, входи, покуда.
Душа следы своих считает ран,
Но отстранилася от чуда.

* * *

...На отливе сияют осколки,
Смыты сорочки, но только – почти,
И сосновые сушат иголки
Те стихи, что должны прорасти.

* * *

Здравствуй, здравствуй, радужное море,
Всех цветов пернатая весна,
В синеоком, голубином взоре
Изумрудов злая глубина
И стальная нежность городская
Бледной речки из-под ста мостов.
В жёлтом платье, грустная такая,
Я иду с букетиком цветов.
Как лиловы вялые фиалки,
И как волосы мои черны.
Сноп лучей стоит у зажигалки -
Ими папиросы зажжены.
А роскошный путь - ковёр витражей,
Словно веер - скошен в тупике,
Он струится, он кружится даже,
Замирая в розовом венке.

* * *

В ноябре умирают поэты –
В ноябре далеко до весны.
Вот стоит запылённое лето,
Города погружаются в сны.
О, неправда, что – только под снегом
И – под пылью нам снится мечта.
Бережком, берегами и брегом
Очень просто, не строя моста,
Ни направо, ни вверх, ни налево
Открывался в апреле простор,
Где росло деревцо или древо
(Полудерево – полуузор).
Да и всё: этот строй, эти краски,
Так знакомо, что память сама
Повернулась вперёд, без опаски
Потеряться иль спятить с ума.
Там, под кроною, полной цветенья,
Было звонко от птиц и листвы,
И покойные души от рвенья
Говорили мне ты, а не вы.
О, друзья, что прошли тротуаром,
Задевая локтём иль полой,
Вы сейчас наполняетесь жаром,
Вы чужих . . .
. . . .

ПОСЛЕ СТОЛЬКИХ ЛЕТ

Там память по сто раз за час
Меняет гримы и костюмы:
Ты - гимназистка. Пятый час.
И тою осенью угрюмой
Тебе положено стоять
У церкви деревянной вправо,
И ждать, и сердце волновать
Уже открытою отравой.
Любовь, тебе - пятнадцать лет,
А ты с тринадцати явилась.
Любовь моя, на свете нет
Любви, чтоб вызвать Вашу милость.
И Вас заставить побледнеть,
Как я от счастья побледнею,
Увидя крыльев сонных плеть,
Чуть огибающих аллею,
Чуть поднятых, как эта бровь,
Чуть шевелящихся над лужей,
О, поспешите же, любовь,
Мой первый сон, мой сонный ужас.

* * *

Через стены, что пеною дрогнут,
Раздаваясь для розовых дрог,
Торопливо под лёгкие ноги
Трап подкладывает порог.

Через всё, и спокойно и просто,
Повернувши корабль напролом,
Покидаешь ты комнатный остров
И сквозь шторы возносишься в шторм.

* * *

И. Б. Соколовой

(1-ый вариант)

Был страшен миг последней немотой
Перед грозой. Клубилось, трепетало
И – исчезало снова за чертой,
Где молнии уже вильнуло жало.
Где серый дом, стоящий в тупике,
Впервые озарённый, словно сдвинут,
Где все карнизы ласточки покинут,
Где вырос флаг на явленном древке...
И покатилось – грохоту навстречу
По крышам и по улицам вразбег,
По пригородам падал первый снег
С фруктовых гор, не охлаждая сечу.

Но вот смотри, за первой прядью прядь
Дождя, нежнее семени льняного,
Из форточки, ты можешь перебрать
И всплескивать, и отпускать – отлого...

Внизу мутится улица? Канал?
Редеют тучи, на глазах скудея...
За этот миг наш кактус расцветал
Быстрей, чем под ладонью чародея.

* * *

Не астролог стоял, не астроном,
Закинув голову, всю ночь в подъезде.
Он знал, что спит высокий серый дом
И не увидит новое созвездье.
Когда летит комета, целый свет,
Преображённый, подымает взоры,
Стихи слагает даже не поэт,
И снятся не художнику узоры.
Вожди предчувствуют священный бой,
А сердце девушек вздыхает чаще.
И ритма неземного перебой
Легко проводит души через чащи.
А маги, ведьмы и профессора
У дымоходов и у труб подзорных
Черпают и считают до утра
Поющие сияющие зёрна...

. . . .

. . . .

Но нынче, отстраняя всех иных,
Лишь одному даётся откровенье.
Божественная формула ясна
(Не звук, не цифра и не сочетанье)
Того, что одному несёт весна,
Того, что никогда не перестанет,
Родясь случайно, может быть, от снов,
Но, может быть, и от живого зова.
Пусть нет сетей – трепещущий улов
Чудеснее привычного улова.
Не знаю, можно ли святить дома,
Где будет страх, дряхление и скука...
Весь мир сходил вокруг него с ума,
Его покой теперь всему порука.

В безлюдьи, утверждая свой закон
И зная, что толпа пойдёт по следу,
Он знает – это было испокон,
И потому не празднует победу.

НЕОКЛАССИКА

Серый, розовый гранит Бретани,
Шелушится чешуёй скала.
Море к вечеру густеет, вянет
И лежит, как тёмная зола.

Лишь один менгир*, немного боком,
Здесь стоит на пляже, ни к чему.
Но звезда, как тронутая током,
Подтянулась поверху к нему.

В сердце каменном - печать навеки
Лишь для нас. А для большой звезды
И менгир поёт, как дровосеки,
Словно телеграф и ритм воды.

Я себя сегодня не печалю
И пока не возвращусь домой,
Чую чудо, что летит спиралью
Рядом для меня, глухонемой.

И хотя невнятен мне менгира
Голос. Словно марево струясь,
Он напомнил мне, что дышит лира,
Что к нему стояла, прислонясь.

* Менгир - кельтский памятник неизвестного назначения. Вертикально стоящий, неотделанный. Множество - в Бретани.

* * *

Не скажешь о путях своих неровных,
Не выскажешь непоправимых бед,
Ни в женских письмах, ни в стихах
любовных,
Ни взором, ни в лучшей из бесед.
Пускай совсем – не редкая, не тайна,
Такая жизнь. (Ведь не поможет ложь.)
Но лишь однажды, и совсем случайно,
О ней чужому другу намекнёшь.
И он поймёт, легко припоминая
Твою судьбу, как лучшую из книг.
И в пыльный вечер городского мая,
В какой-то обрывающийся миг,
Всё станет ясно и непоправимо
Уже навек, но ты поймёшь сама,
Какая здесь – возможность быть
любимой,
Какая там – сияющая тьма.
И почему, сиянье выбирая,
Ты в юности украдкой отошла
От смутных стен взывающего рая,
От розового ровного тепла.

* * *

На чердаке, где кубики и кукол
Линялые печальные дома,
Взирает детство в деревянный купол
И сходит от тоски с ума.
Стучит ногами. Заперто. Не слышат.
Темнеет рано. Локти в синяках.
А сверстники сейчас так ровно дышат -
К ним даже ангел входит на носках.
А ты - оставлено. Как большеглазо горе,
Когда оно узнало о врагах,
Когда они сегодня в двух шагах,
А спички - в ящике и на запоре.

* * *

Как мех невылизанный лисий
Алеет и желтеет мох.
Тоскует Эхо по Нарциссе
И голос слабый, словно вздох,
Летит к ручью, где упоённый,
Склонённый к ледяным струям,
Он смотрит, как теряют клёны
Узорный шелест по краям.
Как обнажаются платаны,
Сопротивляются дубы,
А он живёт. И нежен странный
Тысячелетний зов судьбы...
Ни тень, ни шорох, ни волна
Отображенье не тревожит,
И одиночество не гложет
Черты пленительного сна.
И даже прежний голос твой,
Что разбудили дровосеки,
Здесь обрывается навеки
И долу падает с листвой.

* * *

Когда земное сердце не болит,
Одна душа стенает и томится.
Она взлетает из-под серых пней,
Она летит, как призрачная птица,
И вдвое ей, быть может, тяжелей,
Когда земное сердце на покое.
Она летит от каменных аллей,
Где каждый крест её пугает вдвое.
Ей кажется, что без печальных глаз,
Без рук, без губ и без живого тела
Её не узнают на этот раз,
Ей не дадут, чего она хотела.
И чудо смерти ей ещё странней
В потоке душ, стремящихся направо.
К чему ей рай, на что бессмертье ей,
И не земная, не живая слава?

* * *

Глицинии цвели, как в канделябрах,
Из-под балкона, протянув цветы,
Они казались не из самых храбрых,
Так слабо и туманно завиты.
О, я не знаю, стеклодув ли это
Их выдохнул на выставке, в толпе,
Иль просто лунным упиваясь светом,
Цвела стена под стать простой тропе.
Она плыла в бурунчиках цветочных,
И цвет, и свет (и, может быть, и звук)
Был так скользящ, и так ещё неточен,
Что слово не срывалось с губ и с рук.
Позвать не в силах, написать не смея,
Беспомощно, но все-таки молясь,
Душа была, как важная камея,
На свой портрет души оборотясь.
Так романтично было ночью в Берне,
В старинных улочках, у особнячка,
Что всё настойчивей и равномерней
Цветы цвели из каждого сучка.
И, заслоняясь от возможных шоков
(Войны, России, памяти и сна),
Я попыталась несколько уроков
Урвать случайно у тебя, весна.
О, ненадолго, для пустых балконов,
И всё же озаряя тишину,
Они прохожих звали полусонно
. . . .

* * *

Покинувшему ангельскую рать,
Тому, кто всех тоскливее и краше,
Невыносимо будет умирать
. . . .
Смыкай же веки, рядом засыпая,
И вместо крыльев заслонись локтём,
Ведь на суде, где мы - толпа слепая,
Как равные к престолу подойдём.
Но в нашем стаде гуртовщик лукавый
Тебя узнает как бы по тавру
И даст тебе от счастья и от славы,
Приучит лгать, тянуться к серебру.
Но всё же путь наш общим стал отныне,
Я где-то здесь с тобою, у плеча.
Не плачь и спи - твой шрам во сне
остынет,
Но станет плоть земная горяча.
. . . .
Как не устать тебе, когда и люди в прахе
Лежат и стонут, голову склоня,
Как не устать тебе дорогой к плахе,
Как не устать, как не позвать меня?
Мы ляжем вместе, и рубцов кровавых
На месте крыльев бережно коснусь.
Ты возроптал, и вот в среде бесправных
Влачишь наш век и неземную грусть.

* * *

Но так не падает любовь,
Она едва ли оступилась.
Вернись ко мне скорее вновь,
И счастье нам дарует милость.
Вернись, но неподвижна тень,
Одна, у холмика дороги
. . . .
И кажется, лишь вовремя коснуться
Какого-нибудь белого листа -
Слова вернутся, и года вернутся,
И за верстою отойдёт верста.
Мы подойдём, стесняясь к перекрёстку,
Мы будем жадно снова изучать
Девичью неумелую причёску
И мальчика умение молчать.
И разойдёмся нежно, неумело,
Как и тогда, конечно, навсегда.
Ты побоялся, я же не сумела
. . . .

* * *

Голос, голос - стеклянная трубка -
Посмотреть на свет и продуть...
Звонкий голос и берег хрупкий -
Отзовётся ли кто-нибудь?
Но сиреной взмывает голос,
Нарастают вдали берега,
Вот волна на скале раскололась,
Вот спустились с вершины снега...
. . . .

* * *

Будет небо и снег, и ты будешь верна,
Станет светлым твоё настоящее горе.
Только солнце, и сосны, и тишина,
И стеклянный балкон, и цветы –
санаторий.
. . . .

* * *

Не разомкнуть холодных рук,
Не положить тебе на плечи,
Когда ты склонишься, и вдруг
Заслонишь восковые свечи.
. . . .

* * *

Витражи пели, а орган блистал,
Как ряд деревьев, освещённых косо.
И луч: хрусталь, хорал, кристалл,
коралл,
Был многоцветный, был многоголосый.

* * *

На севере венки из жести,
А здесь – живые белые венки,
Влюблённые не умирают вместе, –
Разведены две правые руки.

На севере тоскует лебедь
И смотрит в небо с птичьего двора,
Легко очерчен треугольник в небе,
Но ты один не вылетел вчера.

Разлука простирается без края:
Томится мёртвый на осеннем льду,
Летит живой и достигает рая,
И ждёт его в безветренном саду...

За облаками, в перекрёстном шуме
Попарно – крылья и рука с рукой,
Не жди меня, твой друг сегодня умер
И обойдён небесною тоской.

* * *

Над первой тишиной вторая тишина
И призрак за окном далёкого окна
Мелькает над рукой легчайшая рука.
Под мёртвою строкой – поющая строка.

* * *

Не зарекайся - это будет снова
Твоя тоска, бессонница и дрожь.
Мы доверяем счастью с полуслова,
Тысячелетья проверяем ложь,
Пока она, как солнце засияет,
Как истина, желанная из всех,
Пока нас новый сон не осеняет -
Божественный неповторимый грех,
Где совесть, словно горлица воркует,
И бьётся сердце в розовом огне,
Где верный друг томится и тоскует
От нетерпенья на пути ко мне.

* * *

И любовь моя склоняет плечи,
Белый трен на камне разметав...

* * *

Наступает весна постепенно,
Снова комната стала тесна,
Расцветает привычною пеной
Ветвь черешни опять у окна.
Будь, что будет: больным задыхаться
От весны, а влюблённым брести
По обочинам и – обниматься,
И подобно черешням цвести.
Но в угаре автомобильном
На дорогах, почти голубых,
Я не верю ни клятвам обильным,
Ни черешням, похожим на дым.
Ведь проходит сверканье, как дождик,
Высыхает сердечко до дна,
Не поможет тебе подорожник,
И больным не поможет весна.
Только облако, что собираясь
Слиться в стадо других – для дождя,
Выгибаясь, что новая завязь
. . . .

* * *

Он у карниза, трепеща
В почти нечаянном пареньи,
Всё ждал, что догорит свеча,
И унесут букет сирени.
Раскроют белую кровать,
Его в жару назад уложат,
И в лоб не станут целовать,
И вздохами не потревожат.
Часы промчатся за часами,
Пока не встанет тёмный сад
У края, смешанный с лесами,
. . . .
И он привстанет на носки,
Он тронет нежно чьи-то плечи,
Внесут венцы, а не венки
И лентами повяжут свечи.

* * *

Что же мне отыскать на пути,
Чтобы утром с собой принести?
Вот осыпалась где-то звезда,
Словно выпал птенец из гнезда,
И один лепесток на ладонь
Уронила, как синий огонь.
Только тает в руке святлячок,
Между пальцев течёт ручеек.
Кто поверит наутро теперь,
Открывая балконную дверь,
Что вернулась я ночью с зарёй
. . . .

* * *

Это мартовский сон наяву:
Улетает балкон в синеву,
За балконом вверху борозда,
И у самой ладони звезда.
Локоток в облаках утонул,
И цветы все в лучи развернул.
Первопутка горит - борозда,
Что твоя незабудка звезда.
Жаль, что милый не вышел с тобой
На цементный балкон голубой,
Что он спит далеко на земле,
Где в стакане цветок на столе,
Что цветок этот вовсе не тот,
Что сейчас у балкона растёт,
Что рука не свивает венка -
Нету здесь стебелька у цветка.

* * *

Этот мир погибал, и за час
Я проститься с тобой не успела.
Чёткий месяц внезапно погас,
И сирена, как птица, запела,
Позабыв про условленный вой.
Но и пенье недолго продлилось -
Над кудрявой её головой
Голубая скала подломилась.

* * *

На повисший над мраком балкон
Он потом проскользнул за тобой,
И я видела мрамор колонн
Над какой-то рекой голубой.

* * *

Попарно в рай - крыло к крылу,
В толпе друг друга не теряя,
В июле, ночью, на балу
Мы знали - не уйти из рая.
Ладонь к ладони, и уже
Ладонь покрыта опереньем.
Ведь бал на пятом этаже
Был пробным утренним пареньем.

* * *

И узнавая сквозь туман,
Роняя веер и браслеты,
Нелебединый караван,
Нелебединые приметы.
А ты искала двойника
Любви, печали и покоя,
Но вот опять твоя рука
На веер падала ...

* * *

Земля в июле горяча,
Твоя земля глухонемая.
И парный ангел у плеча
Ещё стоял, не понимая,
Ещё во льду крылатых снов,
Ещё на райском перекрёстке,
Где проверяет голос жёсткий
Свой ослепительный улов.

* * *

Когда опускаются веки,
Почти прозревает душа.
Мне снилось: мы вместе навеки,
Что жизнь, как в раю, хороша.
Был сон, что проснувшись не помнят –
Я вспомнила через века
Обои покинутых комнат
И розовый свет потолка.

* * *

Цвет вверху волшебный – не лиловый,
Розовее сквозь голубизну,
Доверяя счастью с полуслова,
Я сегодня отхожу ко сну.
Разве в этот вечер, умирая,
Можно плакать, проклинать и звать?
Словно лебедь, на каналах рая
Проплывет остывшая кровать.

* * *

И даже объятье без края,
И шаг заглушённой тоски,
Любовь не спускалась из рая,
И не были души близки.

* * *

Скользнёт нога, и руки оторвутся.
Случайна смерть на пятом этаже.
Такие стены больше не вернутся,
Таких перил не отыскать уже.
Вот и ты сегодня неживая.
Смерть случайна. Руки от перил...
Но часами руки отрывая,
Ты мечтала, что не хватит сил
Их поднять и выпустить земное,
Чтобы воскресая, улететь.
Смерть случайна. Ты нашла иное,
И недаром заржавела медь...

* * *

Это памяти краткие сроки
О влюблённой, печальной, живой:
Чёрным лаком лиловые строки
И прозрачный платок кружевной.
Это самая крепкая память
Истлевает покорно в столе.
Как над нашей любовью и нами
Ангел пел, возносясь на крыле,
Словно самое верное знамя
На линяющем пыльном древке,
Стлалось бледное небо под нами,
Льнуло бледное небо к руке.

* * *

Так прикрывают кокон кисеёй,
Чтоб бабочка, родясь, не улетала.
Так белой ледяною простынёй
Поспешно остывающее тело...
. . . .

* * *

Я приду и будет грустно
На ветру стоять и ждать.
Была бледной и стоустой.
Молчалива благодать.

* * *

Голуби бывают бело-сизы,
Розовых и голубых лови.
На закате сядут на карнизы
Лопотать привычно о любви.
А фонтан - охапка украшений,
Лозы, стебли, буквы, лепестки
Требуют каких-то приношений
У разбитой каменной руки.
Он и сам готов пришельцам разным
Раздавать и брызги и струи,
Побренчать и, притворяясь праздным,
Веером взметнуться - напои.

* * *

Римская заброшенная вилла
Кажется похожею на храм.
На фасаде светлая Сивилла
Подымает руки к облакам.
В этих мраморных разбитых досках
Столько распылённых лет и слов,
Что на сотнях дат, как перекрёстках,
Удаётся иногда улов.
В толстой книге спрятаны закладки,
И над ней - склонившийся висок.
Разгадаем вечные загадки,
Может быть, отчасти, на часок...

* * *

Широких древних плит не одолеть,
Они ведут, быть может, до Бриндизи,
Не вспоминать, не знать и не жалеть
О том, что с нами приключилось в
жизни.
Мой милый брат, бродячий и ничей,
Верёвкой подпоясанный философ,
Не знает он сегодняшних речей,
Не ставит нам смущающих вопросов.
Тут проходили армии на Рим,
И, кажется, в пыли последней
Он шёл богами прежними храним,
И берегом, и лугом, и деревней.
У круглой башни серые кусты,
Бредут стада, как движимые камни.
Ты устаёшь, ты смотришь на цветы.
Мой милый брат, твои глаза чисты
От радости совсем ещё недавней.

* * *

Тяжёлый век, и город тесен.
Гроза, случайно проходя,
Почти александрийских песен
Коснулась строками дождя.
И лёгкость этих настроений,
Изящество далёких муз
Берёшь, как сына, на колени
Свой самый невесомый груз.

* * *

О Риме, о постройках Рима
Гундосят гиды наизусть,
Но вечность всё ещё незрима,
И грусть не отмыкает уст.
Цепляются шипы за платье,
И белый полдень раскалён.
Не бойся, это не проклятье
Оберегает древний сон.
Когда-нибудь, совсем случайно
И походя, очнувшись вдруг,
Ты вдруг легко столкнёшься с тайной
Среди стихов, среди наук.

* * *

Меж облаками прорези сини,
И огибают машины мосты.
Ступим на мост, где всё тот же Бернини
Ангелов белых призвал с высоты.
Круглые стены стоят мавзолея,
Или же замка, или тюрьмы,
Круглые стены стоят, розовея,
. . . .

* * *

Мерещится тяжёлый Пантеон,
И в памяти его белеет крыша.
Ворота где-то посреди колонн,
Во сне иду, не видя и не слыша.
Округлый в куполе сияет свет.
Не просыпайся – ты уже прозрела.
Ты услыхала, кем он был воспет,
И ты уже во сне его воспела.
А если суждено проснуться здесь,
А не на площади полнейшей зноя,
Ты вспомни сон, как дорогую весть,
. . . .

* * *

Цикады на кладбище Рима,
Цветы, и совсем вдалеке
Машины шныряют незримо
И льются, как струи в реке.
Поэт отдыхает, не помня
Ни знанье, ни зренье, ни слух,
На небе каменоломня,
Где мрамор легчайший, как пух.
Сияющая пирамида,
Иная эпоха опять,
По книжке попросим у гида,
Чтоб что-то о чём-то узнать.
А он тишиною отрезан,
Цветами, цикадами, сном,
Как будто бы некая теза
Нам задана кем-то о нём.

* * *

Стихи о Риме называю Римом.
Немного лет, как я в него вошла,
И было всё и зримо и незримо,
Развалины, холмы и купола.
Но приникая к серому фронтону,
Я что-то слышу и тянусь к стиху,
И помнить и во сне не перестану
Те облака, что плыли наверху.
Не прорастают за плечами крылья,
Но зуд и зов зовут за облака.
Не струи здесь, не здешние усилья,
А память. . . . .

РАДУГА

Только в детстве она называлась дугой,
А теперь она стала, сверкая, другой.
Замыкается рифмами, ритмом в круг,
А струна, как парфянский натянутый лук,
А струна, как высокий, чуть слышимый
звук,
Вырывает перо из сверкающих рук.
На крыле мотылька серебряный круг,
Он летит на сердечный стихающий стук.
А в кругу не пестро, не серо, и перо,
От крыла отрываясь – бледно, но пестро.
Ты стоишь, ты сидишь, ты упала в кругу,
И опять увидала, как в детстве, дугу.

* * *

Из простой оранжевой соломы –
В праздники весёлые козлы.
Их несут повсюду: и в хоромы,
И в дома, и в разные углы.
Я не знаю скандинавских сказок,
Суеверий разных, калевал,
Ибсена читала без указок,
Андерсен со мною бытовал.
Но однако – не литераура:
Это всё иное здесь в быту.
И козла, похожего на тура,
Я несу. . . . .
Это символ солнца на базаре –
Это золотое существо.
Кто кому его теперь подарит
. . . .

* * *

Спят глубокие воды.
Я подхожу к воде.
Бывает: целые годы
Я не пишу тебе.
Тёмное дно светлеет,
Просвет – золотей парчи.
Песок, как на солнце, тлеет,
И сам посылает лучи.
И, обнажая память,
Стелется, плещет зыбь,
И подымает знамя
Стая скользящих рыб.
Становится ясным шорох
Озера и камыша,
Стихов запоздалый ворох
Из-под карандаша.
И, может быть, я успею
Письмо написать тебе,
Пока я сама светлею,
Поверив нашей судьбе.

* * *

Как щели, узкие проходы меж домами,
А площадь тут же – широка, пуста.
Вот ангелы опять летят за нами,
Читая что-то с длинного листа.
Они похожи. . . . .
И на других, увиденных во сне.
Они спокойно расчищают к раю
Дорогу нашу и в глухой стене.

* * *

Довоплотилась жизнь, но отлетела,
Когда-то надоевшая душа.
Оборочкою белою у тела,
Дымком взвилась, почти что не дыша.
И я её в тот вечер не узнала –
Я отстранила, словно комара,
Хотя она меня предупреждала:
Де, вот уйду, и это – не игра.
Душа моя, с холодного балкона
Сквозь сад сырой гляжу на мокрый путь.
А небо в облаках. Из-за заслона
Гремит. . . . .

* * *

1.

Рано утром в дальнюю дорогу
Вышли тополя из темноты.
Просыпаясь, птицы бьют тревогу,
Поднимают головы цветы.

И глядят блестящими глазами,
Широко раскрытыми глядят,
Как стволы с воздетыми руками
Друг за другом в воздухе скользят.

Как идут немые пилигримы,
Покидая тёмный этот сад,
Мимо сонного тумана, мимо,
И в разорванных плащах до пят.

И над ними облака в смятеньи,
Точно занавес перед зарёй. –
В сад иной высокие ступени
Открывает ангел-часовой...

2.

Жёлтый луч пробежал высоко по
карнизам,
Полдень вспыхнул звездой на глазах
у прохожих.
Под зелёной горою у самого низа
Тени ёлок на сонных старушек похожи.

Дети громко поют, и цветут незабудки.
Только много цветного нездешнего света,
И дома в стороне, как суфлёрские
будки.

3.

Мокрый город затихает, растáют дома в
отдаленьи,
Поплывут светляки и зелёные звёзды в
листве.
Закачаются ветки, смешаются с травами
тени,
И как чёрные зайцы, шурша, пробегут по
земле.

Воздух после дождя, облака одичалой
сирени,
Лес, вздохнувший впотьмах, и внезапный
малиновый свет:
И на розовой клумбе, обнявши худые
колени,
Дремлет маленький леший, чуть-чуть
потемневший от лет.

* * *

Гаснет ночь, и фонари желтеют.
Гулок час. В неясной вышине
Медленно светлеет, пламенеет
Путь к другой неведомой стране.

Вот сейчас за серым небоскрёбом
Запоёт звенящий водопад
Над седым, неубранным сугробом
Расцветёт голубоватый сад.

На востоке возникают башни
И плывёт неспешный бой часов.
Передвинул стрелки страх вчерашний
Новый ангел, новый путь готов...

* * *

Настанет вечер тихий и суровый,
Большое облако заденет краем сад.
И тени длинные, и терпкий дух сосновый
Вольют в окно оранжевый закат.

Мычанье возвратившегося стада,
Крик одинокой птицы за рекой...
В такие вечера мне ничего не надо,
В такие вечера и в тишине такой...

* * *

Тяжела резная дверь собора.
Ветер жёсткий руки заломил:
Вот он стынет каменным узором,
Вот он ход судьбы остановил.

И, нагнувшись над плитой надгробной,
Грустный ангел навсегда простёр
Крылья безупречные в огромный,
Громом угрожающий простор.

Анно Домини... В туман столетий
Скрылось имя – в трещинах плита.
И над смертью – в разноцветном свете–
Каменная пышная тщета.

Кто он был? Разбойник неизвестный
Иль монах угрюмый и святой,
Одарённый силою чудесной?
Или просто рыцарь рядовой?

Чуть мерцает на цепи лампада.
На венце суровом меркнет свет.
Цепенеют тени – рая? ада? –
Здесь земному места больше нет.

* * *

Ушла ли ты навек – не помню и не знаю.
В огромном городе пустынно без тебя,
В огромном городе, где я не понимаю,
Как дальше жить (не видя, не любя).

И жизнь такая же, и лица те же
(Привычно-скучное теченье дня),
Но даже зеркалу я улыбаюсь реже,
И песни прежние не для меня.

Ещё прохладные звучат слова прощанья,
И помнится: в глазах насмешка и укор,
Как будто бы такое расставанье
И расстояние такое – вздор...

Наперекор судьбе (ведь может всё
случиться),
Пройдя всю тысячу, вдруг не дойти
версты...
А радости моей тебе не научиться,
Хоть Шахразада, выдумщица ты.

* * *

Была любовь. И было расставанье
И слёзы (долгие, упорные) в ночи,
Но жизнь идёт, и жить воспоминаньем
Уже нельзя. Забудь, забудь, молчи.

Любовь прошла, как всё всегда проходит.
Была зима, и вот – растаял снег.
Ты скажешь: солнце, что сейчас заходит
Вернётся утром... Да... А человек...

Он не вернётся, он – чужой отныне,
У каждого – навек особый путь.
Но, как от колокольчика в пустыне,
Мне от любви прошедшей не уснуть.

* * *

И вот закончен, да, закончен круг.
Так тихо и спокойно на душе.
Ты больше не придёшь. Прости, мой друг.
Чего я жду всю ночь настороже?

Такая тишина и пустота такая,
Такая злая тяжесть в голове.
(Я бормочу, по комнате шагая.)
Закончен круг. Исполнился завет...

* * *

Путём земным день ото дня проходишь
И, забывая вещие слова,
Чего-то ищешь всё – и не находишь,
И лишь болит ночами голова.

Умрёшь, и в странствиях других –
надзвёздных,
Среди иных миров, чужих планет –
Душа скитается из бездны в бездну... –
И там, и там тебе покоя нет.

Пусть надо мной склоняется печально
С усталой нежностью прозрачных рук
Мой тихий ангел, друг мой дальний,
Мой самый лучший, самый верный друг...

* * *

Разлуки, расстоянья, разобщенья.
Друзей не видишь и по сорок лет.
Не пишешь. Не боясь забвения,
Не отмечаешь и – теряешь след.
Не торопясь и положась на память
В густой траве и в голубом снегу,
Ты знаешь, что сверкают между нами
Пунктиры звёзд, уложенных в дугу.
Мы встретимся, пройдя по ним мгновенно,
Сотрется время, расстоянья нет.
Шумят леса, шумят леса нетленно
В глазах, от озера, зеркальный свет.
Душа, не бойся и не бойся, голос.
Мы опрокинуты, но узнаны тотчас.
Ты так терпела, знала и боролась:
Сиянье слёз стоит в сияньи глаз.

16.2.80

СОДЕРЖАНИЕ

АВТОБИОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАМЕТКА

Алла Головина родилась на Украине в селе Николаевка Киевской губернии. За границу попала в 1920 году в десятилетнем возрасте. Училась в Чехословакии в русской гимназии и окончила ее.

Начала печататься в самом начале тридцатых годов. Печаталась в журналах "Воля России" (Прага) и "Скит". Издала один сборник стихов – "Лебединая карусель" в издательстве Петрополис. Второй сборник был подготовлен к печати в издательстве "Русский поэт" в Париже, но так и не вышел в свет из-за военных событий.

Сестра поэта Анатолия Штейгера Алла Головина вращалась в кругу поэтов и писателей, живших в то время в Париже, – Бунина, Ходасевича, Иванова. Была близка с Мариной Цветаевой.

Алла Головина писала всю жизнь, но к сожалению много ее стихотворений исчезло, потеряно... Это был крик души периода войны, а также атомного взрыва в Хиросиме.

Алла Головина скончалась 2 июня 1987 года в Брюсселе.